

Олег Ёлшин

Охота на мамонта

Олег Игоревич Ёлшин

Охота на мамонта

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21205717

Охота на мамонта: 2015

ISBN 978-1-329133-84-6

Аннотация

Все становится невыносимым, она не знает, куда спрятаться, куда сбежать, не понимает, что с ней происходит. И вдруг попадает в странную комнату старинного особняка в самом центре старой Москвы. Там находятся какие-то люди. Нет, не люди! Призраки, тени, отголоски прошлой жизни...

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Олег Ёлшин

Охота на мамонта

Будьте прохожими. (Иисус Христос)

Часть 1

1

Весна стремительно ворвалась в город и как сумасшедшая носилась по улицам и переулкам. Заглядывала в лица прохожих, забывших о ней за долгую зимнюю спячку, прыгала из лужи в лужу, поднимая водопады искрящихся на солнце ослепительных капель воды, бесстыже паялилась в оттаявшие окна домов, пьяно шаталась по тротуарам и дорогам, приглашая за собой в этот безумный, безудержный танец. Слепила глаза и будила воспоминания о лете и тепле, согревая замерзшие души и сердца. Настаивала, торопила, звала, помогая забыться и тоже сойти с ума, хотя бы ненадолго окунуться в эту сказку, а там – будь что будет! Главное – не думать ни о чем...

Молодая женщина шла по улице, не разбирая дороги и не замечая никого вокруг. На лице ее застыло мучительное, сосредоточенное размышление, а в глазах зияла пустота. Солнце попыталось отвлечь ее, согреть, разбудить, осветив красивое лицо, но все было тщетно. Женщина проходила мимо этой весны. Пожалуй, впервые в жизни она ее не интересовала. Ее стройные ножки тонули в вязкой ледяной ка-

ше, и она медленно двигалась вперед. Громкий звук тормозов на мгновение оторвал ее от своих мыслей, и пронзительный сигнал заставил вздрогнуть. Женщина замерла, удивленно посмотрев на машину, которая остановилась всего в нескольких сантиметрах. Из окна высунулось возмущенное мужское лицо и громко закричало: – Идиотка! Жить надое-ло!?

Она молча прошла до края тротуара и подумала: – Вот и этот... Идиотка! Снова идиотка... С двумя дипломами... и кому они теперь нужны? А утром, когда он собирал свои вещи – называл ее точно так же... Почему?

И вдруг в сознании промелькнуло: – Еще немного – стало бы легче. Сначала больно, а потом легко, – и обернулась на дорогу. Но там уже не было никого, а ноги все дальше уносили от этого спасительного места.

– Что делать?... Что-то нужно делать! – стучало в ее висках. – Как надоел этот город – столько лет, столько мучений! Неделю назад выкинули с работы, сегодня этот... уволился из ее жизни навсегда. И этот тоже. Уже третий... Или пятый – смотря, как считать. Хотя, какая разница? – сейчас все эти особи мужского пола казались ей одним бесформенным существом, которое она ненавидела.

– Нашел другую. Оставил пустую квартиру и кредит на нее. Все как всегда... Что-то нужно делать, – думала она. Ноги вынесли на середину Крымского моста, где не было ни души, только вереница машин двигалась мимо, а из-под ко-

лес летели мокрые комья снега и грязи.

– Вот и эти, – подумала она, – тоже поливают грязью.

Она отвернулась, перевесившись через перила, посмотрела вниз, где река уже вскрылась и, распластавшись перед ней, словно приглашала. Ее мутная вода мерно текла и успокаивала. Теперь женщина, не отрываясь, смотрела туда, не в силах отвести глаз.

– Как просто, – мелькнуло в голове, – сделать шаг и исчезнуть. Раствориться. К черту все! Станет легко!

А за спиной она чувствовала тяжелый груз, который, непомерной ношей наваливался на плечи и спину, пригибая к земле, и сбросить его не было сил.

– Просто сделать шаг, теперь уже ничего не держит. А что у нее есть? Ни семьи, ни детей – никого. Даже дела нет!.. Двадцать семь лет! Ничего и никого, – и опять с ненавистью вспомнила это утро, когда он щепетильно собирал свои вещи, не оставляя ничего, чтобы не было повода вернуться. Женщина снова посмотрела вниз, где мутное течение спокойно струилось, унося за собой осколки льдин – осколки зимы, которую она не могла забыть.

– Просто наклониться, оттолкнуться и все, – мелькнуло в ее сознании. Захотелось закрыть глаза и, не думая ни о чем, сделать это простое движение. На какое-то мгновение время для нее остановилось...

Вдруг ослепительный луч света сверкнул в ее глазах. Это солнце добралось и до нее. Оно отражалось от темной воды

так, что захотелось зажмуриться. Нет, не зажмуриться, а широко открыть их и, не отрываясь, смотреть туда, растворяясь в этом сказочном море огня и света. Женщина не понимала, что с ней происходит. Огромное солнце лежало на поверхности воды и освещало ее, освещало всю ее жизнь, играя причудливыми огоньками, переливаясь. Она никогда не видела такого. Это было потрясением. А что она знала? Ничего! Не видела, не знала и не ведала. Это было чудо! Сколько тепла сейчас скрывалось в этом сверкающем облаке! Женщина все смотрела туда, растворяясь в волшебных его лучах. На мгновение вспомнила о чем-то, зажмурилась, словно судорога парализовала тело, потом широко открыла глаза и... поняла, что совершенно свобода! Абсолютно. Так же, как эти два солнца, — одно под мостом, другое над головой. Стояла так, не в силах пошевелиться, растворяясь в сказочном видении.

Потом оглянулась — город застыл перед ней, сверкая мокрыми улицами и площадями, крышами домов, изгибающимся руслом реки, золотыми куполами, облаками и небом над головой! Она дышала свежим воздухом, который пьянил, и голова кружилась. Захотелось сорваться с места и лететь, перешагивая через целые кварталы, зачерпнуть из реки воды и плеснуть ею во все стороны, а та серебристыми брызгами разлетится, умывая серый город от зимы и холода, прольется весенним дождем, и поможет забыть обо всем... А было ли что-то?

Неожиданно высокая фигура заслонила ей солнце. Она вздрогнула, не успев прийти в себя, а глаза, как у ведьмы, продолжали сиять. Перед ней стоял мужчина. Потрясающий симпатичный красавец! Перед ней?! Она услышала его голос: – С вами все в порядке? Вам помощь не нужна? – голос его вибрировал нервными низкими нотками, от которого по ее спине пробежала приятная дрожь. А мужчина все стоял, с восторгом глядя на эту странную женщину. Он любовался ею. Он никогда не видел таких глаз. Такое было невозможно, и поэтому, завороченно на нее уставился. Она с удовольствием отметила это, а мужчина повторил: – Вам помощь не нужна?

В голове мелькнуло: – Сейчас он предложит Кальвадос. Как у Ремарка. А вечером в ее постели окажется четвертый мужчина. А может быть, шестой – как считать. И тут она, ослепив его удивительной, весенней улыбкой, неожиданно для себя воскликнула:

– Иди к черту, старый, лысый козел!

Красавец опешил:

– Так уж и лысый, – пробормотал он, поневоле проведя рукой по жесткой шевелюре.

– Значит, скоро таким станешь! – добавила она с восторгом. Она хулиганила, упиваясь невероятным чувством блаженства, а остальное было так далеко, как эта мутная вода под мостом. Еще недавно она не смогла бы пройти мимо! Да и не обратил бы он на нее внимания. Но сейчас... Сейчас

ей терять было нечего, даже этого красавца, который возник ниоткуда и, обескураженный, оставался где-то далеко позади. А она все дальше неслась по улицам города, по мокрым его тротуарам, отливающим ярким солнечным светом. Весенние лужи перед ней расступались, и она, не задумываясь ни о чем, смело стройными ножками перешагивала через целые кварталы, а в глазах сиял сумасшедший восторг...

2

Утром, проснувшись, вскочила с кровати и как была совершенно нагая бросилась к окну. Солнце встречало ее, словно здороваясь. Оно предлагало начать день вместе с ним, с удовольствием взирая на это обнаженное чудо. И на мгновение ей стало не по себе. Нет, она совсем не смущалась, с удовольствием подставляя ему белые плечи и руки, маленькую девичью грудь. Словно купаясь в ярких его лучах, с радостью отдавалась этому водопаду огня и света. Уже тонула в нем, захлебываясь от восторга, разведя в стороны руки, не таясь, дарила себя целиком, а оно с благодарностью принимало ее в свои ослепительные объятия. Это был танец весны, танец любви, давно позабытого восторга, когда можно абсолютно довериться, окунуться в неведомую стихию, закрыть глаза, отдаться и не думать ни о чем. Может быть, сделать первый робкий шаг, потом другой, сорваться с высокой скалы и лететь, зная, что нежные руки тебя непременно

подхватят и спасут, не дадут разбиться, потом выхватят из этого стремительного полета, вновь поставят на ноги и будут рядом. Всегда только рядом, и уже ничего не страшно. На мгновение почувствовала себя диким зверем – тигрицей или пантерой. Голова кружилась от восторга. Голова сходила с ума от нежности и любви. И не хотелось больше ничего, только оставаться вместе с ним, быть рядом, быть так близко с этим сказочным светилом, как не умеют люди, а оно сейчас проникало в каждую ее клеточку, даря свет и тепло. И любовь. Голова сходила с ума...

Но придя в себя, осмотрелась, словно вернулась на землю, выглянула в окно, подмигнув на прощанье своему солнечному приятелю, и пошла одеваться. Не понимала, что с ней происходит, да и понимать сейчас не хотелось совершенно ничего...

Холодильник с удовольствием демонстрировал пустые полки, но, разыскав какую-то еду, она позавтракала.

– Как хорошо, что ей много не надо! Удивительное чувство свободы! – и вспомнила вчерашний день.

– Что с ней вчера произошло? – недоумевала она. Полдня бесцельно носилась по городу, смотрела на людей, на машины, пролетающие мимо. Все были заняты делами, а она чувствовала себя гостьей, словно впервые видела этот город, который радовал ее, и не хотелось думать ни о чем. Как воробей, который, заведя весеннее солнце, купался в луже. Чувство свободы! Как странно! Вот и сейчас, стояла и смотре-

ла в окно, откуда врывалась шумная городская жизнь, и никуда не торопилась. Просто было некуда. Но что-то подсказывало, что все получится, все будет хорошо. Откуда такая уверенность? На мгновение стало не по себе, захотелось зажмуриться, спрятаться в чей-то карман, тихо сидеть там и не высовываться – о тебе обязательно позаботятся, накормят, отнесут, куда нужно, потом достанут, и теплыми ладонями будут согревать и не дадут в обиду...

Кармана такого не было, оставалось только чувство свободы. Свободы от всего и от всех: От жизни и работы, которой теперь не было, от мужчины, который сбежал, от ненавистных денег, которые нужно раздобыть и положить что-нибудь в этот холодильник, чтобы он с укоризной на нее не смотрел. Вчера с ней что-то произошло, она сама не понимала что, но светила от невероятного чувства восторга, как будто солнце взяло шефство над ней и теперь не отпускало.

– Вот и будешь меня кормить, Солнечный Мальчик! – подумала она, – и одевать будешь, и любить, – уже смеялась она. И все-таки ей было удивительно хорошо наедине с собой... и этим солнцем.

– Но что будет, когда оно зайдет? – вздрогнула она. Внезапно стало темно, женщина выглянула в окно и увидела, как огромная темная туча уже закрывала собой половину неба. А другая, ясная его половинка, стремительно уменьшалась в размерах.

– Все! – подумала она, почувствовав, как силы ее поки-

дают. Вдруг спасительный звук телефона отвлек от неприятных мыслей, а на экране засветилась надпись: «Новое сообщение».

– Неужели ЭТОТ не забрал вчера все свои вещи? Нет, читать не будет!

Читать бесполезное сообщение не хотелось, где для нее найдется лишь несколько слов: «Заеду тогда-то, заберу то-то, уеду сразу, беспокоить не буду. Пока».

– Пока, – ответила она несуществующему абоненту, вновь посмотрев в окно. – Нужно искать работу, – подумала она. – Просто нужно взять себя в руки и найти в этом чертовом городе чертову работу, иначе у нее отберут квартиру, узнав, что нечем выплачивать кредит. А в окне совершенно потемнело, и туча уже закрывала все небо. Стало жутко. Неожиданно схватила телефон. Зачем это делала – не осознавала, но, посмотрев на экран, прочитала:

«Выше носик, острее ушки,
ярче глазки, шире улыбку,
нежнее ручки, ярче взгляд!
Горячее сердце, веселее!
Я люблю тебя!
Все это только игра».

Номер отправителя прочитать было невозможно, его просто не существовало, и послать такое сообщение ей не мог никто! Она была совершенно уверена, что сегодня не нужна

была никому!

— Удивительная свобода! — посмеялась она. Вдруг в голове промелькнула нелепая мысль: — Это солнце ей шлет сообщение. Оно, находясь далеко на призрачной высоте, закрываемой темной тучей, не покинуло ее, оставалось рядом, и частички ярких лучей рассыпались перед глазами.

Немедленно в это поверила. Да и могло ли быть иначе? Словно, что-то новое пришло в жизнь с неожиданным письмом, и тепло разлилось по всему телу. А ее уже непреодолимо потянуло на улицу, в город, который ждал ее. Непременно ждал! — Все получится, — уговаривала она себя. — Просто нужно найти какую-нибудь работу...

Город ее не ждал. Никто не обращал на нее внимания, и женщина шла по улице, внимательно осматриваясь по сторонам. Она вела себя, словно ребенок, который потерялся и теперь был предоставлен самому себе. Но плакать не собирался, и пока его ищут, с открытым ртом глазел по сторонам. Было забавно! Было очень интересно! Она так давно не видела этого города, людей, редких птиц над головой, первых луж, которые оттаяли и теперь брызгали во все стороны. Не видела машин, которые, как игрушечные, сновали в разные стороны, ворчали, становясь на дыбы, нервничали в редких заторах, но опять мчались дальше. Снова люди, их лица. Вдруг поймала себя на мысли: — Что-то не так! — и продолжила внимательно смотреть: — Что не так? — и вдруг ее осенило: — Эти люди не умеют улыбаться! Никто из этой тороп-

ливой серой толпы не улыбается. Идут себе, утюжа тротуары, шлепая по лужам, барабани по дороге, выколачивая дробь. Смотрят перед собой, прямо под ноги. Ноги и ноги, лужи и остатки снега – все смешалось, все переплелось в огромном городе, а лица сосредоточенные, глаза строгие или пустые.

– Но почему они не улыбаются? Хотя бы на мгновение!

Вот солнце выглянуло из-за тучи и ярко осветило город и улицы, лица людей, но те, не замечая его и не поднимая головы, неслись дальше. Вдруг неподалеку остановились две машины. Из одной выскочил интеллигентного вида мужчина и бросился к другой, которая замерла рядом. Мужчина начал кричать непристойные слова, из которых было件ятно, что его подрезали. Из другой машины тоже вышел пожилой мужичок. Он не остался в долгу и ответил тем же. А женщина, стоя на тротуаре, внимательно на них смотрела, пока те продолжали свой темпераментный диалог. Если бы у них в руках оказалось оружие, пустили бы его в ход. Непременно пустили бы. Они на полном серьезе бились за свои квадратные сантиметры на этой дороге. Сейчас это было смыслом их жизни, и они готовы были умереть! А яркие солнечные лучи весело играли на их разгоряченных лицах. Неожиданно эти двое замерли и уставились на нее, словно парализованные оцепенело застыв на месте. Странная незнакомка смотрела на них с вниманием, даже с восторгом и почему-то улыбалась. Им улыбалась! Ее глаза светились яркими огоньками, а в душе трепетал дикий восторг. Они чувствовали это и не

могли прийти в себя. Не понимали! Они никогда не видели такой красивой женщины... Нет, не красивой, удивительной женщины и такой улыбки. А сзади уже раздавались гудки, (эти двое перегородили улицу, и ехать было невозможно). Очнулись, позабыв о смертельной обиде, сели в машины и разъехались. Но еще долго их головы были вывернуты назад, пока они тащились по этой дороге. Женщина с интересом проводила их взглядом и продолжила путь.

– Почему они не улыбаются? – снова на полном серьезе подумала она. – Это же так просто! – продолжила она свое исследование, забыв о делах и внимательно разглядывая людей.

– Вот этот спешит на свой склад, потом он будет целый день считать и отгружать, получать и взвешивать. Вечером, уставший, сядет в маршрутку и два часа по пробкам будет тащиться с надеждой попасть домой. Вернется, съест безвкусный ужин и упадет в постель. А завтра все сначала. Он не успеет улыбнуться ни сегодня, и ни завтра.

Вдруг с ужасом поняла, что знает про этих людей абсолютно все! Как такое было возможно – она не понимала, и от этого ей стало страшно. – Ерунда какая-то, – отмахнулась она и продолжила наблюдать:

Вот старушка, едва передвигая ноги, идет в поликлинику. Там ей скажут, что в вашем возрасте, бабуля, нужно радоваться жизни и не отвлекать врачей по пустякам, потому что они все равно не помогут, просто не станут этого делать –

тут не благотворительная организация и не богадельня. Или идите в платную клинику. Там будут сидеть все те же врачи, но для вас они сделают все и даже больше – найдут столько болезней, которых у вас нет, никогда не было и не будет, что жить не захочется вовсе. И от мысли такой старушке ни улыбаться, ни радоваться не останется повода.

Она действительно все знала! Все понимала! Она чувствовала этих людей! Но продолжала наблюдать, словно ища подтверждение своему открытию, не зная, как к такому относиться. А эти люди были перед ней как на ладони:

Вот девушка выходит из шикарного бутика. В руках ее пакеты с логотипами известных брендов, красotka подходит к дорогой, сверкающей на солнце машине, а в глазах тоска. Вечером она наденет купленные тряпки и с мужем отправится на вечеринку. Потом вернется домой. Они лягут в постель, и он будет ее любить. Вернее, заниматься с ней любовью, и она тоже. Мужчина старше ее лет на сорок, плешивый и весит сто двадцать килограммов.

– Какая гадость! – подумала она, содрогнувшись от этого зрелища. А девушка с пакетами, мельком посмотрев на нее, вдруг на мгновение замерла. Ей захотелось улыбнуться и скрыть свое настроение, почувствовав взгляд незнакомки, но не получилось, только скорчила тоскливую гримасу и отвернулась.

А этот – совсем еще молодой парень – идет и улыбается. Точно улыбается! Даже когда смотрит под ноги, перепрыги-

вая через лужи, когда смотрит на часы, ускоряя шаг. Только если присмотреться, можно заметить, что улыбка эта какая-то странная. Профессиональная улыбка. Там, в рецепшн клуба, где за стойкой он стоит по 12 часов подряд, он должен делать это все время, выговаривая приветливые слова, и так снова, и снова. Его скулы уже сводит от этой гримасы, но по-другому нельзя – не положено. И теперь он делает это, даже когда ложится в кровать или съедает завтрак, даже когда чистит зубы.

– Ужас! – вздрогнула она и опять посмотрела на него, а он на нее. На мгновение замер, хотел было улыбнуться красивой и такой необычной женщине, но... не получилось. Только мышцы, нервно сведенные в профессиональной улыбке, застыли на лице. Так и понес ее на свою работу, не в силах освободиться. Да и зачем?

Она вновь с надеждой огляделась:

– А эти трое!

Дети неслись по улице, прыгая из лужи в лужу, не пропуская ни одной. Именно, ни одной – в этом смысл! А брызги летели во все стороны. Что-то громко кричали на всю улицу, хохоча. Вдруг подумала: – Неужели только дети способны смеяться?... Но что будет с ними, когда они вырастут?

И теперь, поняв окончательно, что все это не плод ее большого воображения и не пустые фантазии, ей почему-то пришла в голову мысль:

– Что-то нужно делать! Нужно срочно что-то делать. Так

быть не должно!

Сейчас все ее проблемы казались сущей ерундой по-сравнению с этим открытием, и, забыв обо всем, она мучительно соображала, оглядывая город и людей. Еще недавно такое и в голову не могло прийти, но теперь, после вчерашнего, она хотела многого, хотела всего! Оставалось лишь подумать, как это сделать.

Она вернулась домой, включила компьютер и долго сидела, что-то сосредоточенно рисуя. К вечеру, когда усталое солнце, не дождавшись ее внимания, свалилось за горизонт, а улица осветилась ночными фонарями, с удовольствием посмотрела на свою работу, встала с места, разогнув затекшую спину, и по инерции отправилась на кухню. Подойдя к холодильнику, машинально его открыла. Тот мстительно демонстрировал ей пустые полки. Он был недоволен ею. – Ах, да! Работа! – подумала она. – Совсем забыла. Нужны чертовы деньги.

А на экране монитора в пустой комнате крупно светилась надпись: – Ты сегодня улыбался?

Дальше шел текст:

«Выше носик, острее ушки,
ярче глазки, шире улыбку,...
Я люблю тебя!
Все это только игра».

Потом шел рассказ о ее вчерашнем дне, когда все могло

закончиться, но только началось. Что началось – она не понимала, но сейчас это было не важно. А главным было то, что через какое-то время на ее страничку начали приходить люди. Много людей – десятки, тысячи. Они о чем-то писали, спорили, мечтали и вспоминали – когда улыбались в последний раз.

3

Когда скользишь по наклонной поверхности и не за что ухватиться, кажется, что перед тобой пропасть. Потом оста-навливаешься и, замирая, осознаешь, что прочно стоишь на самом дне глубокого колодца. Может быть, не колодца, а горы, которую вывернули наизнанку и перевернули вверх ногами. И теперь, на этой крошечной площадке, зажатой со всех сторон высокими наклонными стенами, оглядываясь по сторонам, понимаешь, что у дна есть удивительное свойство – можно, наконец, оттолкнуться и начать все с самого начала... Если остались силы.

– Силы? – и она посмотрела в окно, где бесновалось яркое солнце. – Солнечный Мальчик! Мой огненный Принц! – и повторила про себя: – Силы? Сколько угодно!

Он долго рассматривал ее документы, а она терпеливо ждала. Сейчас этот молодой мужчина в белой рубашке и галстук (почти ее ровесник, или немного старше) решал, даст

он ей кредит или нет. А она сидела, глядя на него с надеждой. Наконец тот произнес:

– Вы понимаете, что мы даем кредит под залог?... Сажем, недвижимости. У вас есть квартира?

– Конечно! – скромно ответила она, потупив глаза, и подумала: – Сейчас этот... изучит ее документы, увидит, что кредит за квартиру не выплачен и отправит восвояси. Захотелось немедленно встать, не позориться, собрать никчемные бумажки и уйти самой.

Неожиданно яркий солнечный луч скользнул по ее лицу. Она посмотрела в окно и увидела его – своего нового приятеля.

– Мое солнечное Чудо! – и приятная судорога пронзила ее тело. Сразу же обо всем забыла. На мгновение даже показалось, что опять совершенно голая.

– Ну и что? – подумала она, и озорно выглянув в окно, вновь почувствовала нахлынувшее ощущение безотчетного счастья. Легкий плащ и прочая одежда почему-то отчаянно мешали. Ее коже не хватало нежного прикосновения горячих лучей! Очнувшись, перевела взгляд на менеджера, удивившись его присутствию, все вспомнила и внезапно произнесла:

– Почему только квартиру? Берите весь дом... или улицу. Нет! Знаете что! Забирайте весь город, он ваш! – сказала это неожиданно для себя, и ей стало невероятно смешно.

– Ну, зачем же дом? – удивился мужчина, посмотрев на

нее. Он впервые бросил на нее взгляд, оторвавшись от бумаг, заглянул в смеющиеся глаза и остолебенел. Смотрел на нее так, словно впервые видел женщину, молодую и красивую. Может быть, не настолько красивую, но удивительную, потрясающую женщину. На ней словно не было одежды, а каждая ее клеточка источала неведомый блеск. А эти глаза! Они светились яркими огоньками, он был восхищен. Потом пробормотал:

– Вы читали строки нашего договора, написанные мелким почерком? – и в запале шепотом горячо продолжил, – вы должны их прочитать! Вы непременно должны с ними ознакомиться!

Она поняла, что сейчас он нарушал свою должностную инструкцию.

– Зачем? – снова улыбнулась она. Ей стало невероятно весело. Присмотрелась к этому симпатичному молодому человеку, вдруг опять поняла, что читает чужие мысли и знает о нем абсолютно все:

Каждый день, надевая свой галстук, он приходит сюда и делает одно и то же – выдает чертовы кредиты, а потом его банк вымогает немыслимые проценты у несчастных должников. Этот маленький клерк просто подписывает договор, в котором крошечными буквами прописаны сумасшедшие проценты, о которых никто не догадывался, даже не читал. Разве такое прочитаешь? А он знал, но все равно надевал свой галстук и ежедневно приходил сюда. А куда ему было

деваться? Он больше ничего не умел, лишь одно – сидеть в этом галстуке и обирать людей, получая крошки, которые его хозяева смахнут со стола, где только что разрезали огромный пирог. Крошки! Как рыбка в аквариуме! – подумала она, оглядев маленький квадратный офис, отделанный стеклом и пластиком. А этот обо всем знал, но все равно каждый день приходил сюда. Сейчас она читала его мысли, разглядывая стройную фигуру, мощные плечи и сильные руки, скрываемые строгим пиджачком. Вдруг странная мысль мелькнула в ее голове:

– Но почему он не сделает что-нибудь – построит дом или вырастит пальму с удивительными плодами!? Убьет мамонта и притащит в свое логово его мясо, а потом возьмет в руки камень и начнет расписывать стену пещеры, рисуя замысловатые фигурки животных и людей... А этот дурацкий костюм. Этот галстук! Почему бы не выбросить все это, не набросить на загорелое тело звериную шкуру или остаться в короткой набедренной повязке и быть мужчиной? Сильным и красивым... Господи, что с ней творится, откуда эта память, откуда мысли такие? Но об этом потом...

Она снова посмотрела на менеджера.

– Зачем вы это делаете? – вдруг заговорищицки прошептала она.

Вместо того чтобы удивиться, возмутится, тот почему-то наклонился к ней и тихо произнес: – Не знаю, – покраснел и замолчал. Он был, словно под гипнозом. Сейчас ради нее

он был готов на все, и она видела это. Но, подождав минуту, женщина снова посмотрела на него, встала и как-то просто бросила на прощанье:

– Я передумала! Пожалуй, я не отдам вам свой город. И улицы тоже. Даже половой коврик в своей убогой квартирке не отдам.

В последний раз оглядела этого человека в опрятном костюме, белой рубашке и галстукe, и ей почему-то стало невероятно жалко его.

– Простите, – бросила она на прощанье, забирая со стола бумаги, и выпорхнула на улицу, а духота помещения, напомнив о себе, заставила вздохнуть полной грудью. – Пожалуй, сюда, она больше не придет...

Дома ее ждал пустой холодильник, завтра нужно платить за квартиру кредит, (снова кредит!) а она шла по улице и размышляла, не узнавая себя. В ней проснулась какая-то невероятная сила. Сейчас она была способна на все! Ей ничего не стоило взять кучу денег у этого клерка. И вспомнила глаза, которыми он на нее смотрел. Шла, словно светилась изнутри, а мужчины бросали на нее взгляды. Нет, не только мужчины, люди разного возраста и воспитания, разного цвета кожи, вероисповедания, разной судьбы почему-то начинали улыбаться, и она на мгновение почувствовала себя ведьмой. А еще показалось, что невероятно любит этих людей.

– Неужели нужно быть ведьмой, чтобы все получалось? Может, достаточно быть просто женщиной? Хотя, кому еще

дано так любить?... Собаке? Нет, это совсем другая история. Но женщина? А, может быть, эти два понятия одно и то же. И почему, если женщина любит, то она обязательно ведьма?... Просто женщина и все...

Эти мысли настолько ее захватили, что об остальном она совершенно забыла. Да и неважно сейчас было это «остальное». Дома не стала подходить к холодильнику, все было понятно и так. Схватила из вазочки печенье и, жуя на ходу, отправилась проверять почту. По дороге с недоумением отметила, что совершенно не голодна. Как такое было возможно, не понимала, хотя не ела уже целых два дня. Но тут же и об этом забыла. С радостью включила компьютер и зашла на свою страничку. «Вы сегодня улыбались?» – светилась надпись во весь экран, и захотелось написать о сегодняшнем дне. Потом проверила почту. Там ее ждало письмо. Текст был коротким – некто просил уточнить стоимость размещения рекламы в ее блоге.

– Фу, Блока назвать блогем – какой позор, – подумала она. Захотела смахнуть с экрана письмо, вдруг вспомнила, что где-то уже слышала это слово. Это странное слово – блог. И тут осенило – ей хотят заплатить деньги! Ей, которая ничего не сделала, сидела уже неделю без работы, боясь подойти к суровому холодильнику, не знала, чем платить по кредиту, не знала, как начинать завтрашний день, только раздумывала – почему же никто не улыбается, и почему-то читала чужие мысли – а тут ей хотят дать денег! ЕЙ! Дальше шло

предложение – «200 тыс. за место баннера на чердаке». Какая-то ерунда – наверное это сленг. Но это было не важно. Две сотни в месяц! Проблемы решались сами собой! Перечитала письмо, не веря своим глазам. Нет, она не ошиблась, все верно, она спасена! С удивлением отметила, что новость ее совсем не взволновала. Сейчас эти бестелесные деньги почему-то мало ее интересовали, впрочем, как и все остальное – холодильник, еда, работа, мужчины... Мужчины? – подумала она. – Пожалуй, мужчины пусть остаются.

Вспомнила менеджера банка, и ей стало тоскливо. Теперь такие мужчины ее точно не интересовали.

– Но почему? – вдруг поймала себя на мысли. – Еще недавно такой мужчина для нее был эталоном, предметом мечтаний, как и для каждой женщины – сильный, богатый, красивый. А теперь... Не интересно! – отмахнулась она, – скучно, глупо. Стоило ли того!? Хотелось чего-то другого! Настоящего!

Чего «настоящего» – она не знала, но от предчувствия какой-то неведомой сказки, которая только начиналась, голова кружилась. Снова посмотрела на свою страничку и вдруг в сознании промелькнуло: – Ты хочешь продавать улыбку за жалких двести тысяч? Ты хочешь торговать хорошим настроением? Ты, кому второй день каждый в этом городе улыбался, к кому приходили на страничку, чтобы забыть обо всем, прочитать ее историю, найти себе кого-то еще, и за это ты хочешь брать деньги?... Нет!

Уже зашла в почтовый ящик, собираясь гордо удалить непрошеного гостя – циничного наглеца, который осмеливался предложить такое.

– Двести тысяч! – шептала она, – каков нахал! Пришел топтаться своими грязными ножками...

Неожиданно телефон издал знакомую трель:

– Снова Он, – с удовольствием вспомнила она своего огненного приятеля.

– Солнечный Мальчик!

Подумала, что окончательно сошла с ума, но теперь это не имело значения, потому что с экрана на нее смотрела надпись: «Ты сегодня улыбался?». А сотни людей писали друг другу сообщения. Тысячи людей!

С удовольствием посмотрела на телефон, ожидая сюрприза, и нажала на заветную кнопочку. Вдруг отпрянула!

– Не будь душой! – лаконично светилась там. Но заставила себя дочитать до конца, где была еще одна короткая фраза: – Все это только игра!

4

Народу в кафе было немного. Она сидела за отдельным столиком, дожидаясь своего первого клиента (кажется, так это называлось). Того самого, который вчера предложил деньги за место в ее маленьком Раю, которое почему-то называлось чердаком. Она даже не знала, кто это – мужчи-

на или женщина. Письмо было подписано коротким именем – Облачко. Облачко среднего рода, и кто к ней придет на встречу – неизвестно. А в голове стучала фраза – «Не будь душой. Все это только игра». Снова ничего не понимала, и, надо сказать, в последние дни она себя не узнавала совершенно. Чувствовала себя как-то странно. Необычно! Не в своей тарелке! Но, пришла, и теперь, пока еще оставалось немного времени, разглядывала редких посетителей, опять с удивлением ощущая, что знает про этих людей абсолютно все. Не привыкла к такому, и не было объяснения этому странному прозрению или наваждению, которое свалилось невесть откуда. И не знала, как к этому относиться. А люди за столиками с их разными судьбами, историями, проблемами, скрытыми от всех за масками привычных физиономий и взглядов, для нее были как на ладони. Нет, она не читала их мысли, это было бы слишком просто, она знала про них абсолютно все!

Вот директор и его секретарша. У него семья, а у нее любовник. Нет, не этот – другой. Но и этому отказывать не хотелось. Хорошая должность, приличная зарплата – а нужно платить за съемную квартиру. И пока ее парень ищет работу, приходится терпеть дополнительную нагрузку.

Вон люди раскладывают какие-то документы. Что-то считают, о чем-то спорят, смеются. Смеются над тем, как провернули отличную сделку, обведя своего партнера на пару миллионов. И пока эти миллионы лежали рядом в сумке, они

выпивали, отмечая победу.

Вот пара голубков – сбежали с последнего урока, долго бродили по улицам, замерзнув, зашли сюда и теперь внимательно изучали меню, решая, хватит ли им денег на две чашки чая.

Вот мужчина лет сорока, а напротив молодой крепкий парень. Мужчина краснеет, протягивая тому какой-то конверт. Его собеседник вынимает фотографию и рассматривает. Затем убирает бумаги в карман и уходит. А на фотографии жена ревнивого мужа, за которой нужно бы проследить. Уж слишком поздно в последнее время она возвращается домой и слишком хорошо одевается, уходя на работу...

Она вздрогнула, захотелось закрыть глаза. Все становилось невыносимым. Поймала себя на мысли, что про этих людей знала все, а о человеке, которого ждала – ничего. Даже пол его не знала. Видимо, электрические провода и паутина бесконечной сети не передавали такой информации.

Вдруг молодая симпатичная женщина вошла в кафе и растерянно остановилась посреди зала. Она оглядывала людей, ища кого-то, и тут ее окликнул уверенный голос:

– Идите сюда! – та подошла и спросила: – Лея?

– Да, – просто ответила ее собеседница, поймав себя на мысли, что у нее снова появилось имя, и так ее давно никто не называл. Даже этот... который сбежал пару дней назад.

– А почему, Облачко? – оторвалась она от своих мыслей.

– Ну, как-то себя нужно называть, – ответила женщина,

присаживаясь к столу. — Оксана, — представилась она.

— Лея! — повторила Лея. Теперь обе женщины обрели свои имена и могли спокойно поговорить. Оксана достала из сумки конверт и положила на стол. Лея заговорила первой:

— Прежде всего, я хотела бы знать, что будет в этой рекламе?

— Какая разница? — удивилась Оксана, — я плачу, вы размещаете мой баннер.

— Так не пойдет, — спокойно возразила Лея.

— Что будете заказывать? — подошел официант.

— Кофе, — хором ответили девушки, потом засмеялись, словно столкнулись лбами. Официант отправился выполнять заказ, а Лея продолжила:

— Мне не все равно, какая это будет реклама. Для меня это имеет значение.

А девушка, покраснев, хотела, было, вспылить. Это была гордая девушка. И тут Лея поняла, что знает ответ на свой вопрос и уже мысленно видела ее мужчину, который точно так же, как и ее, пару дней назад бросил эту Оксану. Правда, еще оставил квартиру и маленький бутик в центре Москвы. И теперь этой девушке приходилось учиться торговать... сумочками. Делать это она не умела, да и не хотела и совсем не была готова к тому, что ее променяют на кого-то еще. А поэтому настроение у нее было паршивое. Нет, деньги у нее были, и из квартиры никто не выгонял, но все же. И сейчас в ее глазах застыла тоска, а еще была злость на эту Лею,

женщину со странным именем, которая торговала улыбками и смела с ней пререкаться. С ней!.. Хотя, кто теперь такая она? С Рублевки прогнали в однокомнатную клетку, и теперь каждый день, как на каторгу, нужно тащиться в этот бутик! Вдруг услышала:

– Все будет хорошо, – она очнулась от своих мыслей и уставилась на Лею, а та повторила: – Ничего страшного, у тебя все получится, – и добавила: – А ну его к черту!

– Кого? – растерялась Оксана.

– Твоего папочку..., я имею ввиду бой-френда.

Оксана покраснела и зло уставилась в чашечку кофе, которую успели перед ней поставить.

– Откуда ты знаешь? – зло спросила она, но Лея молча на нее смотрела и... улыбалась.

– Как она улыбается!? – поймала себя на мысли девушка. – Так вот почему эта Лея рисовала на своем сайте улыбку, и тысячи людей приходили к ней. – Даже знает, как она его называла! – И подумала: – А когда в последний раз улыбалась она сама?...

Вновь посмотрела на Лею и пробормотала:

– Пожалуй, нужно что-то покрепче!.. Если на моей физиономии написано такое..., – и подозвала официанта, который тут же появился вновь:

– Желаете что-нибудь еще?

– Конверт убери! – строго произнесла Оксана, и спросила: – Что будем пить? – она не сомневалась, что эта стран-

ная Лея поддержит ее компанию. А та, не долго думая, вдруг произнесла: – Кальвадос!

– Кальвадос? – удивился официант.

– Тебе же сказали, Кальвадос! – рявкнула Оксана, и тот испарился. С официантами она разговаривать умела, – и чего-нибудь из закуски, – летело ему вдогонку...

– Почему ты закала Кальвадос? – смеялась Оксана. Эти две молодые женщины теперь часто смеялись, делая это по любому поводу и без повода.

– Этот яблочный сидр... – Лея подняла указательный палец и замерла – она вспоминала. Потом воскликнула: – Аффро...

– Ну? – хохотала Оксана. Лея пыталась что-то добавить, но не могла вспомнить. И чем дольше делала это, тем громче смеялась Оксана. А она снова и снова повторяла: – Аффро...

Тут Оксану осенило, и она воскликнула: – Диззияк!

– Кто? – теперь хохотала Лея.

Аффро... диззияк!

– Точно! Диззияк! Он самый, – наконец вспомнила она. И ей безумно понравилось это название.

– Послушай, а зачем нам с тобой этот диззияк? – замерла Оксана и какая-то мысль уже рождалась в ее голове. В этой немного пьяной, хорошенькой головке.

– Не знаю, – только и ответила Лея и неопределенно по-

вела в воздухе рукой.

— Послушай, подруга! — наконец прозрела Оксана. — Мы сейчас едем в гости! — и достала телефон. Лея, не возражала, молча ожидая, пока эта сумасшедшая, теперь жизнерадостная девушка с кем-то договаривалась о встрече. От ее плохого настроения не осталось и следа, и теперь она собиралась провести безумный вечер и, скорее всего, такую же ночь.

— Поехали! — наконец воскликнула она и подозвала официанта. Тот вежливо спросил, не желают ли девушки еще Кальвадос и, увидев их лица, осекся. Видимо, яблочная водка не пришлась им по вкусу.

Лея протрезвела только тогда, когда оказалась наедине с незнакомым мужчиной. Весь этот вечер они носились по каким-то барам, клубам, и, наконец, попали сюда, в эту уютную квартирку. Оксана со своим кавалером уже успела раствориться в безумной весенней ночи, и теперь она осталась с этим человеком. Она совсем не боялась его, ни о чем не беспокоилась и внимательно его разглядывала. Человек был симпатичным мужчиной, немного старше ее. И квартира его тоже была симпатичной. Вел он себя раскованно, о чем-то говорил, смеялся, наливая кофе, снова говорил. Потом поставил перед ней чашечку и сел рядом. В груди ее приятно защемило. Никогда раньше она не оставалась с мужчиной в первый же день знакомства. Вернее, в первую же ночь. Но сейчас ей почему-то было все равно. Ей было с этим че-

ловеком хорошо, спокойно и интересно. И ему, по-видимому, тоже. Почему бы и нет? Какая разница? После того, как недавно почувствовала на себе нежное прикосновение своего нового друга, его солнечные лучи, это яркое настойчивое нетерпение, ей не хватало одного – тепла. Да! Навероятно хотелось жаркого тепла, огненного поцелуя, страстного настойчивого внимания. Так хотелось снова повторить этот прыжок в неизвестность с самого края скалы, но быть уже не одной, а в крепких объятиях, ощущать сильные руки, чувствовать запах незнакомого тела. Такого с ней не было давно, а может быть никогда! Она уже забыла, как мужчины ухаживают, как ведут в постель и делают это с тобой в первый раз. Первый раз – он всегда необычен. Потом уже будет не так, будет и второй и третий раз, и десятый. А сейчас первый. И ей было интересно. И еще она очень захотела этого симпатичного молодого мужчину. А он все понимал, но почему-то сидел и ждал, оттягивая эту минуту. Делал это с удовольствием. Иногда миг ожидания имеет значения больше, чем тот, следующий миг. Он таит в себе загадку, тайну или сказку, потом все будет понятно и просто, но сейчас. За такой миг можно отдать многое. А он знал об этом, улыбался и ждал. Лея расслабилась. Щемящая томная мука разлилась по всему телу...

Нет, ЗНАЛА, что завтра утром ее отсюда выкинут, потому что его жена вернется из поездки. А значит, нужно все убрать, помыть, сменить белье и проветрить остатки

вчерашнего праздника.

– Ну и что? – сопротивлялась она самой себе. Он ей ничего не обещал и она тоже. Просто встреча на несколько часов, на одну ночь. Так делают многие, почти все! Край скалы! Самый краешек! А потом этот шаг...

А потом он должен будет нестись на работу, оттуда в аэропорт и обязательно купить цветы.

Но сегодня еще оставалось немного времени и можно зашторить плотные занавески, попрощаться с вечерними огоньками за окном. Его нетерпеливые руки снимают с тебя одежду. Эти незнакомые, теплые руки, они полны желания и страсти. Страсти на одну ночь. Скала. До вершины остались последние шаги. Она не сопротивляется, даже помогает. Надоевшая одежда невероятно мешает, обжигает кожу, душит. Хочется избавиться от нее и просто остаться собой. Наедине с собой... и с ним... Всего на несколько часов, почему бы и нет? Он кладет ее в постель... Целует.

А еще нужно выбросить мусор с бутылками и остатками еды из ресторана.

Его руки все более настойчивы, но он опять не торопится. Он и здесь не спешит. Снова ожидание, снова томная мука. Вот уже верхняя маленькая площадка, на которой помещаются всего два человека, а в шаге глубокая пропасть. А потом полет, и сильные руки не дают тебе упасть и разбиться. До края всего один шаг. Он приглашает и ее не спешить. Эта длинная прелюдия – как в музыке. Сначала несколько при-

косновений к клавишам, несколько робких аккордов, а потом все громче и громче. И уже мощное течение незнакомой мелодии захватывает всецело, и ты несешься следом, пьяно, безрассудно наступая на клавиши, и скоро настанет миг, которого ты так долго ждал и стремился к нему. Но пока еще только берешь эти первые ноты, и твой инструмент покладисто отзывается на каждое нежное прикосновение. Потом все будет просто, но сейчас... И голова кружится от предчувствия стремительного полета в неизвестность. В никуда...

И еще... обязательно взять у нее телефон, когда-нибудь можно будет позвонить еще... Кстати, как ее зовут. Как же ее зовут?... А если жена прилетит ранним рейсом? Сделает «сюрприз». Такое уже было однажды...

Она отпрянула и, обхватив колени, резко села в постели, провела по всклокоченным волосам.

– Послушай, а ты смог бы убить мамонта? – вдруг спросила она. Он, недоумевая, тоже сел рядом. – Мамонта? – повторил он. – Ты хочешь сказать слона?

– Нет, мамонта! – зло повторила она.

– Не знаю, – неуверенно произнес он, добавив, – что-то не так?

Но она уже его не слышала: – А ты умеешь рисовать?

– Нет, – удивился он.

– Рисовать камнем по стене или пещере?

Он оторопело посмотрел на девушку, а она куда-то сквозь стены, о чем-то думая. Очнувшись, вскочила и начала лихо-

радочно одеваться. Он продолжал сидеть и смотреть.

– Посуду помыть? – услышал он веселый голос, она была уже в другой комнате, собираясь уйти, – мусор захватить?

Он вышел и уставился на нее. А она своими веселыми, сумасшедшими, как у ведьмы, глазами, смотрела на него, и тут он понял, что потерял сегодня, что выпорхнуло из его теплых ладоней, из его комнаты, из жизни и улетело навсегда – удержать ее было невозможно.

– Меня зовут Лея! – крикнула на прощанье она, – просто Лея, – потом назвала его имя, хотя не помнила, представлялся ли он сегодня, и выпорхнула из квартиры. А он долго еще смотрел на закрытую дверь, совершенно обескураженный...

– Кошмар! Какой кошмар! – билось в ее висках. – Теперь она не может просто остаться с мужчиной, не может провести ночь с человеком, который ей нравится, чтобы потом забыть о нем навсегда. Что с ней твориться? Откуда эти мысли, судьбы, бормотание чужих проблем на ухо. Какое-то проклятье! Скала... Край скалы... А, может, то был всего лишь холмик, поросший мхом. А парень этот – лишь первый встречный, ничего не значащий для нее человек... Значащий!.. Но чего хочет она? Чего ей не хватает? Почему она не может быть такой, как Оксана, как остальные!?

Выскочила на улицу, на свежем ветру стало немного легче, и ноги ее уверенно застучали по мостовой.

– Когда это началось, что с ней творится?

Мысленно прокрутила последние дни и вернулась на тот мост. И вот уже темная, даже, черная вода там внизу. Она притягивает, манит, хочется уйти в нее с головой, не думая ни о чем. А это солнце. Было ли оно? И что это было? И тут в сознании явно промелькнула картина:

Она стоит, облокотившись о парапет, внизу черная река, а небо закрыто плотными облаками. Стоит и смотрит в реку, не в силах оторваться. Еще мгновение... Вдруг слышит спасительные шаги. Идет этот парень, этот красавец. Сейчас он подойдет и предложит ей помощь. Над головой только черная туча, а под ногами черная река. Вот он сравнялся, мельком бросил равнодушный взгляд и... прошел мимо. Он не остановился! Он не спросил ни о чем! А внизу проклятая река, и она наедине с нею! А, может быть, ее больше нет, или это совсем не она, или...

Продолжая вспоминать, мысленно с надеждой посмотрела на человека, который только что прошагал мимо – топот его ботинок еще слышался вдалеке на мосту. И вдруг поняла, что там никого нет. Лишь пустой тротуар и машины, брызгающие грязью. А человека нет! И только река там внизу, да черная туча над головой. Какой ужас!

Ее ножки продолжали стучать по мокрому асфальту, и она больше не помнила ничего. Только слышала со всех сторон бормотание припозднившихся людей. Они шептали ей истории, судьбы, показывали линии жизни на ладонях своих, а она, как ведьма, уносилась в темную мглу, где никакого

солнца, только пустота и круглая луна над головой! Достала телефон и посмотрела на спасительные сообщения. Новых сообщений не было. Она не нужна была никому. И только конверт с бессмысленными, бестелесными деньгами лежал на дне сумочки. Он был настоящим, осязаемым, и деньги тоже. А Мальчик! Солнечный Мальчик – где ты! И был ли ты?

5

Начались долгие мучительные дни кошмара. Утром она подходила к окну, смотрела на улицу, на людей, которые, как на тележках, тащили свои судьбы и жизни, проблемы, тяготы. Она все видела, понимала, и хотелось закрыть глаза, зашторить занавески, спрятаться, забившись в темный угол и не думать ни о чем. А солнце скользило яркими лучами по стеклу, словно просясь в гости. Оно хотело заглянуть в эту темную комнату, осветить ее, но следом врывался ураган чужих мыслей, мучительным потоком проникая в сознание, в голову, разрывая ее на части, заполняя все уголки измученной души, и сил противиться не было. И снова только зашторенная занавеска. Лишь холодильник спокойно встречал ее. Заполнив полки, он чувствовал себя полноценным членом обстановки и глядел с уважением. Не радовали больше деньги, свалившиеся неизвестно откуда. Остались позади проблемы с кредитом и прочей житейской ерундой. Уже не радовала надпись на экране компьютера. Там шли бес-

конечные сообщения, появлялись люди со странными именами, они общались, спорили и все от нее чего-то хотели. Слава Богу, она не знала про них ничего – там были просто буквы, символы, тянувшиеся нескончаемой чередой. И люди эти были только символами. Их жизни не проникали сюда по проводам, и только отдельные слова капали, создавая хаос, океан, нагромождение вопросов и ответов. Но помочь им она ничем не могла, да и не хотела. Так продолжалось несколько дней. Несколько дней, зашторенных плотной занавеской с яркой солнечной каемочкой по краям. Нужно было что-то делать. Так больше нельзя...

Однажды, проснувшись, стремительно оделась и направилась в город, который от нее чего-то хотел, а какая-то непреодолимая сила уже толкала ее на улицу. Только там она найдет ответы на все вопросы. Выскочив во двор, заметила черную машину, стоявшую у подъезда, и ее сразу же потянуло к ней. Зачем делала это, не осознавала, только заметила, как окно открылось, и оттуда на нее смотрел какой-то мужчина. Он не звал, не подавал виду и никаких знаков внимания, просто смотрел, но она уже шла к нему. Все происходило по какой-то странной договоренности. Открыла дверцу и села на переднее сидение. Мужчина молча отвернулся, посмотрев на дорогу, надавил на педаль, и они тронулись с места.

Лея сразу же узнала этого человека. Это был тот самый красавец с моста, которого она хорошо запомнила, и теперь он молча увозил ее в неизвестном направлении. Наконец она

спросила:

– Куда мы едем?

Красавец, помолчав, и, не глядя на нее, произнес:

– Вам не все равно?

– Пожалуй, вы правы! – пробормотала она, замолчала и уставилась в лобовое стекло. Поражало одно, это был первый человек, о котором она не знала ничего. Она не чувствовала его, не видела его судьбы и жизни, и только потрясающее, красивое, лицо, немного порочное, но от этого еще более притягательное, было перед ней. На мгновение ей стало не по себе. А мотор уверенно урчал, и машина продолжала быстро двигаться вперед. Страшно не было. Откуда такая самоуверенность – она не понимала. Только в одном не сомневалась – кто-то был с ней, он был рядом, следил за ней и не давал в обиду, а еще знала, что встреча эта не случайна – ее ждали.

Машина притормозила у старинного особняка в самом центре старой Москвы, мужчина вышел и галантно открыл ей дверцу. Потом протянул руку, она ступила на тротуар, ее кавалер закрыл машину и долго еще не отпускал, глядя ей прямо в глаза. Она не понимала, чего тот хотел. Нет, конечно, понимала, это было так очевидно, но во взгляде этом скрывалась какая-то загадка. Сначала показалось, что он набросится на нее прямо здесь, на улице, и все закончится безобразной сценой, потом поняла, что ему в этом порочном желании что-то мешает. А он все смотрел, пожирая ее гла-

зами, на что-то решаясь. Внезапно обмяк, отпустив ее руку, и коротко бросил: – Пойдемте.

Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Внизу в подъезде их окликнула консьерж. Та была в какой-то странной одежде. Наверное, ее наряду было лет сто, а, может быть, двести или триста, впрочем, как и ее обладательнице, что не мешало ей вести себя с достоинством и вполне убедительно.

– Свои! – на ходу бросил красавец и открыл дверь квартиры на втором этаже. Собственно, этажей в этом доме было всего два.

Квартира состояла из огромной залы, где не было ни коридора, ни кухни, ни других помещений. Только в конце виднелась еще одна дверь, которая была закрыта, а оттуда слышался непонятный шум. Лея замерла, красавец оставил ее, отойдя вглубь комнаты, и сел на стул, а на нее пристально уставились еще несколько человек. До этого мгновения они о чем-то громко говорили, спорили, делая что-то за большим столом, но теперь замолчали, глядя на нее. Она робко поздоровалась, но те продолжали молчать, оглядывая ее, словно это было блюдо, которое подали к столу, и теперь они оценивали, приготовившись резать на части и есть.

– Привел свою ведьму? – резко произнесла какая-то дама, посмотрев на ее знакомого незнакомца. Тот молча кивнул и налил себе что-то в стакан. А Лея все стояла, не зная, что сказать.

– Ну, проходи, дорогая, – услышала она.

Компания состояла из пяти человек, не считая ее провожатого. Четверо сидели за столом, а пятый в отдалении на большом диване. Лея не сдвинулась с места, продолжая их оглядывать. Поймала себя на мысли, что совершенно ничего не знает об этих людях, не чувствует их и не понимает.

– Неужели кошмар позади? – подумала она.

– И не надейся, – произнес один из мужчин. Все продолжали ее с интересом оглядывать, кто-то с обидой во взгляде, кто-то с завистью, а человек в дальнем углу почему-то с жалостью. На огромном столе с зеленым сукном стояли редкие приборы, бокалы, бутылки. Видимо трапеза состоялась давно, а ее пригласили к десерту. А люди эти держали в руках карты.

– Сначала давайте закончим! – воскликнул кто-то за столом.

– Делаем ставки, господа! – громко добавил он. Все отвернулись и начали что-то писать на листах бумаги. И только человек, сидящий поодаль, продолжая с жалостью на нее смотреть, вдруг произнес:

– Идите сюда.

Он подвинулся, приглашая занять место на диване рядом. А остальные продолжали спорить, играть, не обращая на них никакого внимания.

– Пока они занимаются ерундой, я вам кое-что объясню, – произнес он. – Голос его был медленный, вальяжный, он ле-

ниво развалился на краю дивана и смотрел на остальных с апатией и презрением.

– Казанова вам что-нибудь говорил? – вдруг спросил он.

– Казанова? – не поняла она.

– Вон тот красавчик! Так мы его называем.

– Нет, ... ничего..., – пробормотала она.

– Значит, придется начинать с самого начала, – и тяжело вздохнул. Было видно, что для него это тяжелая ноша.

– Может быть, я пойду? – робко спросила она.

– Никуда ты не пойдешь, красавица! – воскликнул человек за столом. Он оторвался от карт и горячих прений, уставившись на нее. Лея осеклась.

– Это кто сказал, что она красавица? – спросила дама. – Рыжая бестия! – презрительно добавила она. Теперь все снова усталились на Лею оценивающе. – И почему в присутствии дамы вы позволяете себе говорить о ком-то еще? – добавила она, – нужно и такт знать!

– По мне, так самая обыкновенная девица, – произнес Казанова. – Таких тысячи! И что Он так завелся?

Лея снова ничего не поняла, а люди за столом продолжили игру.

– Я попытаюсь вам объяснить так, чтобы стало понятнее, – произнес мужчина рядом, – все эти ничтожества за столом...

– Но-но, не очень там, Ильюшенька! – воскликнул кто-то. Он отмахнулся, но заговорил тише:

– Не обращайтесь внимания, красавица! Все эти так назы-

ваемые люди, впрочем, как и я, не существуют. Их больше нет... Призраки... Тени... Отголоски прошлой жизни...

То, что он говорил дальше, заставило Лею содрогнуться. А он спокойно, флегматично и певуче выводил свои рулады, словно размазывал их на песке ленивой рукой.

– Их давно нет в живых, – продолжал он. – Просто они зависли в этом пространстве, в некоем шлюзе и болтаются между небом и землей. Лея, как вам это объяснить проще... Прежде чем попасть туда...

– Куда? – вздрогнула девушка.

– Не важно, куда, – отмахнулся он, – нужно оставить здесь непреодолимые желания, привязанности, короче, все то, что с собой забрать невозможно. Этот балласт нужно бросить здесь. С ним вас не возьмут, не пропустят.

Потом он заглянул в ее широко открытые от ужаса глаза и произнес: – Подойдите к той двери и все поймете сами... Давайте же! Смелее!

Она встала и направилась к двери, робко ее приоткрыв. Перед глазами возникло большое помещение, напоминавшее вокзал. Там сновала масса народу, слышен был шум голосов, и... гулял ветер. Не сквозняк, а именно ветер! В комнате! Это был странный ветер, он был необычайно свеж, что было удивительно для центра города, он шумел, притягивал к себе, манил. Его аромат сводил с ума. Это был ветер надежды и свободы. Он шелестел, приглашая вслед за собой в невиданные, непознанные и неизведанные дали, и у Леи

закружилась голова. Как все это могло поместиться в доме на втором этаже, было непонятно. Кто-то сидел, кто-то стоял или проходил вглубь огромного зала, растворяясь вдали. Люди волновались, трепетали, словно ожидая поезда, который заберет их отсюда, с временного полустанка, и унесет на неведомое расстояние, где всегда солнце, зеленые поля, холмы и высокое небо над головой. У дверей сидел привратник. Завидев Лею, он встал и почтительно задал вопрос: – Вы готовы? – он смотрел на нее с восхищением и трепетом во взгляде. Очевидно, ему приятно было видеть такое лицо. Лея в испуге отшатнулась.

– Куда пошла? – рявкнул кто-то из-за стола. – Закрой дверь и сядь на место. Ильюшенька, какого черта?

Лея в смятении закрыла дверь и вернулась к своему собеседнику.

– Эти свободны, эти уже пошли, – пробормотал Ильюшенька. Очнувшись, воскликнул: – Но остались другие. Вот они за этим столом, где можно провести многие годы...

Он задумался, посмотрел на людей и зло произнес:

– Я вам о них кое-что расскажу. Вы должны знать, потому что с ними вам иметь дело, – и от этих слов Лее стало не по себе.

– Вон тот, у края стола, который сидит и смотрит на бутылку, стоящую поодаль. Это бомжик Фимка. А перед ним коньяк, который пил сам Наполеон. Тот самый коньяк, та самая бутылка! Этому напитку, как вы понимаете, не одна сот-

ня лет. А он все сидит и смотрит на нее... Это, в своем роде, гениальный человек, – воскликнул Ильюшенька. – Он выпил в своей жизни больше 10 тысяч бутылок водки и прочей мерзости. Поставил, в своем роде, мировой рекорд, а теперь сидит перед этим восхитительным напитком и тупо на него смотрит. Уже два года так сидит,... дай ему Бог здоровья.

– Почему он не попробует этот коньяк, ему жалко драгоценный напиток?

– Выпил бы винтом прямо из горла! – засмеялся Ильюшенька. – Только всех нас лишили кое-каких способностей, и теперь мы от этого невероятно страдаем. Видите испарину на его лбу? А как он мучается? Его давно сбросили в могилку, но потом... Потом дали это ничтожное тело... тельце, и заставили забыть о своем прошлом – о том вагоне, который он выпил. Но не все так просто. Пока его не стошнит каждой выпитой бутылкой, он будет мучиться, а в ту комнату его не пустят. Он завис! А самое ужасное – здесь ему больше не дано почувствовать вкус алкоголя и его крепость!

– Разве такое возможно? – удивилась она.

– Здесь возможно все, в этом и смысл, – ответил он.

– А какой способности лишили этого красавца? – прошептала она и... покраснела.

– Казанову? – громко засмеялся он, от чего тот обернулся и тоже покраснел. – Рекордсмена-любовника, у которого было более 2 тысяч женщин? Посмотрите, какое ему досталось тело? Красавец! Вот только...

– Какой кошмар! – вырвалось у нее. Она все поняла без слов.

– Кошмар! – а пристрелил его на дуэли очередной обманутый муж. Доигрался юноша. Правда, юноше уже почти две сотни лет, большую часть из которых он провел здесь. Вы не смотрите на его внешность. Этот костюмчик так – временно. А теперь каждый день он выходит в город и в бессилии пялится на хорошеньких женщин..., но способен только на это! Полтора столетия ходит так и пускает слюну, не в силах избавиться от своих похотливых фантазий.

– Я слышала о таком понятии – ад?

– Каждый сам себе устраивает ад еще при жизни, только не догадывается об этом или не хочет думать. Скоро вы все поймете сами.

От этих слов она похолодела, а он невозмутимо продолжил:

– Вон наша мадам – Изольда Карловна! Наша Королева.

Только теперь она присмотрелась к этой женщине, заметив, насколько та безобразна. Лицо ее покрывали бородавки, оно было худым, словно череп, обтянутый кожей, которая просвечивалась. Скулы торчали, а нос... Вороний нос нависал над столом и громко сопел...

Ильюшенька тем временем продолжал:

– Так любила себя, что выгнала трех жен сына. Выгнала с работы, извела, изничтожила сотни людей, пережила нескольких мужей, сведя их в могилку,... дай ей Бог здоро-

вья. Ее отрок, как вы понимаете, не выдержал и хотел придушить свою мамочку. Но та выжила, а он потом умер в тюрьме. Вот такая Королева.

– Наверное, она была очень богатой женщиной, женой олигарха. Работала в крупной корпорации?

– Обыкновенная бухгалтер, – засмеялся он, – но какая змея! Тогда еще не было корпораций! Забыл сказать, строила без остановки допросы в прекрасные 30-е на своих соседей и друзей, потом тех увозили в НКВД и дальше в Сибирь.

– Но зачем? – вырвалось у Леи.

– Думаю, от зависти, – равнодушно ответил Ильюшенька. – Посмотрите, какое ей досталось тело? А какая была красавица! И кто ее теперь с этим задранным носом ждет? Никто! Сначала полюби своих мужей и снох, соседей, «подруг» по работе, а уж потом – милости просим. Так и сидит здесь лет эдак сорок...

Вон мужчина за столом, с виду милейший обаятельный человек – ограбил тысячи людей, украв миллиарды на своей финансовой пирамиде. Его зовут Филлипок! Рекордсмен по количеству обманутых вкладчиков в мире! Умница, гений! Дай ему Бог здоровья! По странности умер своей смертью, только теперь не хочет уходить отсюда без своих денег. Их ему оставили, и он может лицезреть, трогать их, нюхать, сморкаться в них... А вот взять с собой не может. И потратить их ему не дают, и зарабатывать больше не разрешают. Вот сидит здесь и нас обыгрывает! Такая незадача... Завис!

А люди за столом их не слышали. Они о чем-то громко спорили, играли и делали ставки. Только несчастный бомжик Фимка пребывал в некой прострации, глядя на бутылку.

– И, наконец, последний. А это уникам! Человечище! Одно из последних поступлений. Вы не поверите!

Лея сидела, с ужасом, но уже с неподдельным интересом, наблюдая за людьми. Она была сражена. Она не представляла, что такое возможно. А еще вспоминала тот удивительный ветер в соседней комнате, он не давал ей покоя, он сводил с ума... Снова услышала голос Ильюшеньки:

– ...лоббировал некий закон... закончик... о введении длинных праздничных каникул в этой прекрасной стране. А страна наша пьющая, страна, любящая погулять. Как говорили издревле – «Веселье на Руси есть питье». А как всем известно, есть определенные силы и серьезные институты... институтишки в «дружественных» государствах, работающие над проблемой сокращения населения в нашей огромной стране. Да и не только в нашей!.. Так вот, за несколько пачек иностранных денег и некоторые преференции этот человек и протолкнул закон... закончик в одно, очень уважаемое ведомство, которое и принимает подобные решения. И дело сделано! Человек-праздник! Дай ему Бог здоровья! А вы знаете, сколько жизней на его счету за время действия этой, так сказать, инновации? Всего за несколько лет? Миллионы! Только за одни новогодние каникулы в старушке Москве в этом году от спиртного и его последствий погибли

две тысячи человек. Только в Москве! И не нужны никакие войны или атомные бомбардировки – несколько взяток чиновникам, росчерк пера и все...

– А от чего он умер? – спросила Лея.

– На масленицу и умер, дай ему Бог здоровья, – ответил Илюшка.

– Перепил? – изумилась она.

– Нет! Этот не пьет! Пережрал блинов! От заворота кишок и почил, так сказать. Вон, рожа какая жирная, а глазки маленькие, такую ряху ему и оставили, – протянул он. – А теперь, когда пришло его время, каждому из этих несчастных он должен посмотреть в глаза. Такое условие – каждому из 4 миллионов!.. Завис, надолго завис, – устало произнес он.

– Ладно, хватит там нести всякую чушь, – и мужчина за столом выругался.

– Палыч, я это так, не со зла, – очнулся Ильюшенька. – Тебе самому все это разгребать. С тебя хватит.

– Зато, я со зла сейчас тебе ножки переломаю, – не унился Палыч.

– Не получится, – зевнул Ильюшенька, и тот почему-то сразу успокоился.

– Вы его не боитесь? – спросила Лея.

– Нет, костюмчик-то казенный, не положено, у нас с этим строго! – и он пошупал одной своей рукой другую, – а если что,... так сказать... переведут в другую палату и все.

Помолчал, подумал немного и произнес:

– Так что всех нас лишили после прошлой жизни кое каких рефлексов, способностей, дали напрокат это тельце и теперь все нужно как-то...

– Простите, – не выдержала она, – а чего лишили вас?

Он нахмурился и уставился в пол.

– Ничего!.. Ничего не лишили. Наоборот!.. Но по причине моей невероятной лени брать туда не хотят, – и он кивнул в сторону двери. – Да, и я уже не хочу. Лень! Мне было лень работать, хотя получил блестящее образование, лень было тратить миллионы отца, потом было лень думать, ходить по врачам, когда заболел. Лень было жевать, дышать, и, наконец, жить. Все пустое...

Потом он встрепенулся:

– И надо же такое придумать! – гневно воскликнул он. – Мне дали совершенное тело, временное, но все же, если это вообще можно назвать телом. Идеальное тело с идеальными мозгами! Мне могли бы позавидовать и Аполлон, и Казанова, и Эйнштейн вместе взятые! А эти мне только завидуют, особенно красавчик! Мне разрешено выходить в город, впрочем, как и остальным! Только живи и радуйся! – темпераментно продолжил он.

– Так живите, «дай вам Бог здоровья»! – в недоумении воскликнула Лея.

– Лень! – коротко бросил он.

– Сколько же вы здесь находитесь? – спросила Лея.

– Уже почти сотню лет, скоро юбилей.

– И никуда не выходили?

– Нет!

Она с изумлением смотрела на этого красивого, умного человека... или не человека вовсе. По его виду было заметно, как от этой беседы он устал. Его сильные руки обнимали подлокотник дивана, тело совершенно утонуло в нем, и теперь он флегматично смотрел куда-то вдаль.

– Ты закончил, болтун? – повернулась к ним Королева. Компания за столом закончила игру, и все уставились на Лею, – а теперь послушай меня, – обратилась она к девушке. Она свысока зло смотрела черными, как у ведьмы, глазами, четко выговаривая слова:

– Сейчас ты вернешься в этот чертов город и останешься там. Ты вольна делать все, что угодно, все что пожелаешь. Тебе дали полную свободу действий! Но мы будем за тобой присматривать. И не только мы. И имей в виду, ты будешь знать о каждом человеке абсолютно все. Для начала, это тебе такой подарок! Небольшая общественная нагрузка. На самом деле, подарков тебе приготовлено множество. Целый букет сюрпризов... Ну надо же такое! – вдруг зло воскликнула она, глядя на остальных. Но снова продолжила:

– Но есть одно маленькое условие.

Она замолчала и прищурилась, оценивающе на нее посмотрев.

– Сейчас напряги свои куриные мозги и запомни следующую

щее – ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА НИКОМУ ПОМОГАТЬ! – она четко по слогам произнесла эти слова, словно в них был заложен какой-то таинственный смысл.

– А то натворишь такое, что Ему долго придется все это разгребать, – добавила она. С улыбкой оглядела людей и равнодушно закончила, презрительно махнув рукой, словно, смахивая крошки со стола: – А теперь ступай!

Лея встала, прищурилась, растерянно на нее посмотрев, потом пробормотала:

– Кому не помогать!? – потом на мгновение задумалась, соображая и, наконец, спохватилась: – А почему я должна вас слушать? Кто вы такие, чтобы со мной так разговаривать?... Зачем вообще привели меня сюда? Вы никто!!! – горячо выкрикнула она. Короткая пауза повисла в этом просторном помещении. Все переглянулись, удивленно на нее посмотрев, не ожидая такой наглости. Наконец, Королева, сверкнув глазами и ухмыльнувшись, произнесла:

– Далеко пойдет девочка. Что я вам говорила!? Ну-ну, посмотрим!

– Кто мы такие? – ласково переспросил Филлипок. – Мы такие же, как и ты! Не догадываешься, детка? Иначе, как бы ты оказалась здесь!?

От этой фразы ей стало дурно.

– Не понимаю? – пробормотала она.

– Конечно, не понимаешь, – усмехнулся тот, – и не помнишь, что делала на том мосту?

– Нет, ... то есть, помню, ... ничего не делала, – неуверенно ответила она.

– Это тебе так кажется, красotka, – добавил Палыч. – А темная водица там внизу. Совсем ничего не помнишь?

– Нет, – дрогнула она, – вот он докажет, – и кивнула на красавца. На что Казанова серьезно ответил:

– Суицид, дорогая моя, штука серьезная. Это тебе не придушить кого-то или обокрасть. Такое, знаешь ли, столько времени можно расхлебывать – мало не покажется... Тот, кто берет на себя полномочия Создателя, лишается пропуска навсегда.

– Какого пропуска? – в отчаянии воскликнула она, в бессилии оглядев собравшихся. Но ей не ответили. Все сидели и серьезно на нее смотрели, широко раскрыв глаза. Видимо, последние слова произвели на них неизгладимое впечатление. На мгновение показалось, что сейчас каждый из этих людей-призраков думает о чем-то своем. Первой очнулась Изольда Карловна:

– Просто, тебе повезло, – зло прошипела она, – тебя вовремя остановили.

– Отмотали все назад! – добавил Казанова, – но дали испытательный срок.

– Да уж, повезло, – проворчал за ее спиной Ильюшенька, но на него никто не обратил внимания.

– Кто? – удивлялась она все больше.

– Нашелся покровитель, – проворчал Казанова, посмот-

рев в окно.

– Да закрой ты эту чертову занавеску, – крикнула Королева, – это... уже совсем обнаглело.

– Тихо!.. Спокойно! Думай, что говоришь и о ком говоришь! – трусливо осадил ее Казанова и подошел к окну, зашторив его наглухо плотной шторой, после чего Лее стало по-настоящему жутко.

– Не говоришь, а «говорите»! – поправила его Королева, – сопляк! Бабник! Жалкий извращенец.

– Ах да, конечно! Простите, дорогая... Изольда Карловна! – после этих слов Казанова, снисходительно улыбнувшись, замолчал. Очевидно, спорить с этой особой здесь было не принято. А Королева продолжила:

– Покровитель, понимаешь! Да кто она такая, чтобы ее спасти? Ни рожи, ни кожи, ни родства, – и она закивала длинным носом. – Ни чина, ни звания! Нищенка мутных кровей! Почему ради нее меняются правила!

– Не по понятиям, – буркнул Фимка.

– Я уже шел за ней, а она готова была прыгнуть и захлебнуться. Но Он сказал, что ему такие нужны здесь, – произнес Казанова, – и еще сказал, что эта чертова кукла умеет любить так, как никто в этом городе! Так и сказал! – потом прошептал: – Интересно, как это? – наклонил голову и задумался, безответственно фантазируя. Потом пробормотал: – Ох, любит Он рыженьких, – и причмокнул, клацнув языком.

– Значит, и останется здесь, только пусть теперь знает про

тех ублюдков, – и она кивнула в сторону окна, – абсолютно все! Пусть шатается по этому городу, как по помойке и собирает все мерзости! Подарим ей такую мировую скорбь, пусть во сне переворачивается! Любить она умеет, понимаешь! – гневно закончила Изольда Карловна. – Повторяю! Ты не имеешь права никому из этих ничтожеств помогать! Запомни это!

А Ильюшенька за спиной прошептал: – Это она вам такое придумала!

– Да, ты просто дура! – вдруг в сердцах воскликнула Королева.

– Почему? – вспылила Лея.

– Потому что любила своих мужиков, своих подруг, да всех, кого ни попади, кто был рядом. Поэтому и осталась одна! В нищете и в бедности! Дура и все! Таких, как ты, не любят и не уважают, не ценят, ноги о них вытирают. На службе первую и сокращают. Потому что не умеешь постоять за себя! На кой черт все они тебе нужны? Ты женщина! Ты должна быть гордой, независимой, красивой, трезво смотреть на вещи и людей. Это тебя должны любить и носить на руках! А ты размазня и позоришь женский род. Сейчас ты вытащила лотерейный билет – тебе дали еще один шанс! Последний! Надеюсь, воспользуешься им с толком. Короче...

– Короче! Наше маленькое пари, – с удовольствием перехватил слово Филлипок. – Делаем ставки, господа! – и глаза у него загорелись.

– Сядь и не мелькай, – бросил ей Палыч. Но она осталась стоять, а остальные азартно переглянулись.

– Твое слово, Фимка, – громко сказал Филлипок. Фимка, не долго думая, коротко бросил:

– Сопьется... от тупости и бессмысленности этой жизни, – больше не проронил ни слова. Филлипок, подождав мгновение, записал это на листе бумаги и продолжил:

– Казанова?

Тот повел бровью, оценивающе глядя на Лею, и со вкусом произнес:

– Станет развратной особой, когда увидит, как мужики падают к ее ногам... К этим хорошеньким ножкам. Кто же тут устоит и упустит свой шанс!... Другими словами, – станет шлюхой, рыженькой сладкой шлюхой, как леденец на палочке, и продаст себя подороже, – потом серьезно произнес, – только шлюха умеет по-настоящему любить и слушать... И терпеть.

– Палыч?

Тот пробормотал: – Скоро начнет бросаться на людей, пока не убьет кого-нибудь, – подумав, добавил, – или закроется в комнате и тихо сойдет с ума. Так вернее. Такие подарки так просто не даются. За все нужно платить. Подавится наша девушка.

– Палыч, так нельзя, нужно что-то одно! – возразил Филлипок.

– Ну, ладно-ладно, хорошо! Давай – «сойдет с ума»! Да-

вай – «психушку»! – уже громче повторил он, а Королева, не ожидая приглашения, произнесла:

– Наконец, научится плевать на остальных и станет нормальным человеком! Нормальной бабой! Богатой, красивой и умной. Женщиной, черт возьми!

– Спокойно! – осадил ее Казанова. А Филлипок, записав с ее слов, медленно и нараспев, рассудительно произнес:

– Что касается меня, думаю – научится воровать и купит необитаемый остров. Потом оглядел собравшихся и уставился на Ильюшеньку.

– Ну, а ты чего сидишь, ставить будешь, или особое приглашение требуется? Или тебе меньше всех нужно? Опять дрыхнешь там?

Ильюшенька очнулся, почесав жесткую шевелюру, немного подумал, потом с грустью пробормотал:

– Думаю, покончит с собой... Во всяком случае, в данной ситуации это наиболее разумное решение, – и добавил, – не так хлопотно.

– Все! Ставки сделаны, господа! – прозвучал громкий голос Филлипка. Потом обернулся к Лее:

– Вы свободны, красавица! Лошадь выпустили из стойла – бега начинаются!

– А срок? – воскликнул Казанова. – Обозначь ей срок!

– Ах да, конечно! – вспомнил Филлипок, – Он сказал, что... срока не будет. А срока-то нет! – и захохотал. – Значит, так тому и быть! Месяц или день, год или столетие – Он

посмотрит. А с Ним не спорят. Срок без срока! – и снова зашелся гомерическим хохотом. – Время пошло, красавица! – и все за столом как-то расслабились, оценивающе глядя на нее.

– Надеюсь, ты все поняла, что я тебе сказала? – бросила напоследок Королева.

– Увидимся, сладкая, – промурлыкал Казанова.

– На посошок? – очнулся Фимка, наливая ей из бутылки коньяк. Он протянул полный стакан, и она почему-то залпом, с отчаянием его опорожнила. Крепкий напиток впился в горло и теплом разлился по всему телу.

– А пьет, как жена императора! – восхитился Филлипок.

– Скорее, как вдова, – резко добавила Изольда Карловна. А лицо Фимки перекосило. Он даже рот открыл, когда она опорожнила стакан, и крупная капля пота потекла по его лбу.

– До скорой встречи! – глухо донесся голос Палыча, как из могилы или из преисподней. – Желаю поскорее свихнуться! – и замолчал. Лея зачем-то обернулась на Ильюшеньку и уже хотела идти, но тот, виновато посмотрев на нее, произнес:

– Я провожу.

Он с трудом поднялся с насиженного за столетие дивана, довел ее до двери и даже спустился на несколько ступенек.

– Зачем им это? – остановившись, нервно спросила Лея.

– Не знаю... Ревность, злоба, обида..., чтобы вам больнее было. Такие исключения делаются не для всех, – трезво, рас-

судительно произнес он и громче добавил: – На моем веку такое впервые! Помолчал немного и пробормотал: – Кроме того они испросили себе индульгенцию.

– Не поняла?

– Ну... Тот, кто выиграет этот спор, будет допущен дальше... На следующий уровень. Как в игре!..

Лея долго молча смотрела ему в глаза.

– Лошадь выпустили из стойла, – вспомнила она слова Филлипка.

– И еще вопрос, зачем поставили вы? – и почему-то через силу улыбнулась.

– Скука, – не глядя на нее, пробормотал Ильюшенька, – невероятная скука! К тому же – все это только игра! – и, заглянув в ее глаза, обомлел. А она задала последний свой вопрос:

– Ильюшенька, а как на самом деле зовут вас? – и снова улыбнулась. Коньяк в эти страшные минуты чудесным образом придал ей силы, ударив в голову. Ильюшенька стоял совершенно изумленный, глядя на эту женщину и ее улыбку, потом пробормотал: – Илья... Так и величают, просто Илья... А... А можно будет с вами встретиться как-нибудь еще? – робко произнес это и покраснел, продолжая на нее смотреть.

– Хлопотно это, Илья, – резко ответила она, но уже спокойнее добавила, – я подумаю... если, конечно, не сойду с ума или не сопьюсь, не стану шлюхой, не уплыву на необи-

таемый остров или просто не покончу с собой. Прощайте! – и выскочила на улицу, где яркое солнце, встретив ее с нетерпением, горячо освятило лицо и трогательно обожгло своим вниманием...

6

Потом она долго бесцельно шаталась по городу, не разбирая дороги и не замечая никого, а в голове, как вспышки, мелькали бессвязные фразы:

«... Призраки... Тени... Отголоски прошлой жизни... Их давно нет в живых... Они зависли между небом и землей...».

В соседней комнате зашумел ветер, унося ее в бесконечную даль, а в памяти возникали чудовищные слова: «Всех нас лишили кое-каких способностей», «Все это только игра»...

Сейчас перед ее глазами стояли физиономии этих людей-нелюдей: Похотливо-порочное, красивое лицо Казановы, безвольное, потное от невероятных страданий – Фимки, улыбающееся Филлипка, словно тому все нипочем, за ним тупое безразличие Палыча, гневное, устрашающее обличие Королевы и, наконец, флегматичное – Ильюшеньки.

– Так вот, как выглядит ад, – подумала она и содрогнулась. – А, может, ничего страшного нет. Сидят себе эти люди в комнате и играют в карты. Просто играют! Уже десятки лет! Уже сотни лет!.. Давятся пороками, обгладывая свои

грехи... Играют в человеческие судьбы.

И вдруг в голове промелькнуло:

– Ты такая же, как и мы. Испытательный срок! Лошадь выпустили из стойла! Бега начинаются!

Они поставили на нее, и теперь она и была той лошадью, которую запрягли и пустили по кругу... Рыжая лошадь! Нет, не по кругу – вышвырнули в этот город, где она должна была что-то делать. Скорее, наоборот – не делать ничего – полная свобода действий. Что может быть проще – «никому не помогать»? Чушь какая-то! Странное условие – эта Королева от злобы своей просто сошла с ума! Да и кому она могла помочь, кого спасти и от чего? Зачем?... Себя! Тоже зависла!!! Безумие! Неужели она могла сделать этот шаг? – и мысленно перенеслась на тот мост. Но этот эпизод был словно стерт из ее памяти. Она не помнила совершенно ничего! Она не верила в это!

– А если все это какой-то обман, дьявольский розыгрыш? Но кому это нужно?... Тогда откуда все это? – и оглянулась по сторонам, а в голове снова возник рой чужих мыслей. Пока она бродила по улицам – от волшебного коньяка способность видеть людей насквозь несколько притупилась, но теперь, спустя пару часов, вновь проявила себя с новой силой, и сейчас она трезво смотрела на город и людей. Отчаянно захотелось сделать еще глоток того коньяка, который дал небольшую передышку. Но спасительная бутылка оставалась в странной комнате, а она один на один с этим горо-

дом, где люди проходили мимо, оставляя её на память свои тяготы, истории, судьбы. Снова только проблемы, и ничего более. А она все знала, видела, все понимала.

Вдруг улица напомнила ей огромный военный госпиталь. Раненые лежали стройными рядами на каталках. Их раны были открыты, они кровоточили, и им требовалась срочная помощь. А она с белой сумкой и красным крестом пробиралась между ними, думая:

– Кому еще можно помочь, кого спасти, как? Зачем? От кого?... И чего от нее хотят?

Очнулась от этого странного наваждения. А люди мчались по своим делам, не обращая на нее внимания, как будто их тоже кто-то запряг, и они, закусив удила, несутся по своему предсказуемому кругу. Нет, двигались они в разных направлениях, но если проследить траекторию их пути, можно было заметить, что был он коротким и замкнутым. И непременно заканчивался сегодня там, где начался утром. А завтра все с начала. Тоже зависли?! Интересно, о чем они думают, что их объединяет?

Сейчас она, словно знакомилась заново с этим городом, широко раскрыв глаза:

- Нужно успеть на работу – сегодня дадут зарплату...
- Нужно купить...
- Нужно оплатить.
- Отдать...
- Взять...

– Занять...

– Нужно... нужно... нужно...

Увидела молодого парня:

– ...на свидание... к ней... к любимой... только бы не опоздать... А еще ей нужно купить...

– Почему они думают лишь о деньгах?... Но ведь это нормально! Так было всегда, почему же именно сейчас она обратила на это внимание? Что повернулось в ее мозгах? Скорее, это ей нужно помогать, если она думает так. А этим... Дать деньги, и все? Как просто! – но вспомнила лицо Филлипка, который раскладывал карты, а за спиной его находился тяжелый воз украденного бумажного хлама, который крепко держал его здесь и не отпускал. А всего в нескольких шагах находилась комната, где гулял волшебный ветер. Только бумажки эти взять с собой нельзя... Тогда зачем они нужны?

Она остановилась. Сплошной людской поток превращался в широкую реку. Он двигался ей навстречу, а над ним, словно облако, зависли человеческие желания, их сокровенные мечты. Они имели свои тона, переливаясь всеми цветами радуги. Она оторопело, с ужасом, продолжала наблюдать. Она была потрясена! Никогда раньше не видела такого!.. Нет! Стоп! Все эти призрачные облачка были почти одного цвета – грязно-коричневого и больше никаких оттенков. Лишь иногда зарницами вспыхивали крошечные огоньки – яркие всполохи, но и те мгновенно тухли, угасая.

– Еще один подарок из того букета, – мелькнуло в ее го-

лове. А облако висело в воздухе, пропитанном серой пылью, пронизанном сыростью весеннего дня, и напоминало смог.

– Так вот, что такое смог! Ярко-коричневое облако из человеческих мыслей.

А люди все шли. Она уже добралась до пешеходного Арбата, где машины не ездили, только люди – тысячи, миллионы... И вдруг показалось, что она поднимается над этим людским потоком и летит над головами прохожих, а облако рыжим шлейфом, кирпичной пылью касается ее тела. Начала задыхаться, нечем было дышать. Этот яркий туман проникал за пазуху, просачивался в карманы, в рукава, под воротник, в поры, в кровь, разливался по всему телу, заполняя легкие и все ее существо. А люди шли, их мысли вырывались наружу, висели в воздухе, звенели, как колокольчики, на разные голоса... Нет, на один голос:

– Нужно, купить, заплатить, достать, отдать, расплатиться...

Неожиданно, словно спустившись на землю, замерла. Неподалеку, у театра им. Вахтангова стоял молодой человек и играл на флейте. Звуки его инструмента осмеливались подниматься к этому плотному рыжему потоку и висеть маленьким облачком, а цвета его поражали своей глубиной. Она никогда не знала, что в палитре есть столько цветов – тысячи, миллионы, и нот в этой мелодии было столько же. Они вибрировали, заставляя людей оглядываться. Те на мгновение замирали, смотрели на парня, лица их светлели. В этом

месте, словно в жаркой рыжей пустыне, образовался крошечный оазис, и он притягивал, приковывая к себе внимание людей, и волновал. А над ним, сквозь расщелины домов узенькой улицы проглядывало небо и яркое солнце...

– Солнце, – подумала она, посмотрев наверх и прищурив глаза.

– Снова яркое солнце! – она купалась в его лучах, слушая музыку. Уже парила над мостовой, неслась стремительной птицей к небу, поднимаясь все выше и выше, и космос раскрывал ей таинственные объятия... Вдруг очнулась. Внезапная тишина оглушила ее, заставив содрогнуться, вернуться на Землю, широко раскрыть глаза. Парень-музыкант, сделав перерыв, присел перед открытым футляром и чем-то занялся. Она пригляделась, флейта безвольно легла рядом на бордюрный камень, а он доставал из футляра деньги. Потом методично, с удовольствием опускал желтые монетки в один мешочек, белые в другой, а бумажки, аккуратно разглаживая, клал в карман. А вокруг снова только шум толпы и отголоски чужих мыслей:

– Нужно купить, нужно заплатить...

– Господи, ну почему ей досталось все это? Даже, если нарушить то условие, чем могла она им помочь?... Ничем... У нее ничего не было для этих людей. Даже белой сумки с красным крестом... Даже денег! Да и зачем все эти люди ей нужны? Почему она думает о них?!!!

И снова, словно в полете ведьмы, мчалась она до самого

дома, неслась над головами, а коричневое облако висело над землей, скрывая от горожан небо и яркое солнце, которое им было не нужно. Оно им было не интересно...

Только теперь вспомнила слова Ильюшеньки:

– Это она вам придумала такое. Врагу не пожелаешь...

– Уж лучше никого не видеть и ничего не знать, – вздрогнула она, – помогать кому-то! Бред какой-то! Полный бред!.. И непонятно – что ей нужно сделать и чего от нее хотят?! – этот вопрос теперь мучил ее больше всего.

Вбежав в подъезд и поднявшись на свой этаж, наконец, избавилась от навязчивого города, замкнувшись в четырех стенах. Закрылась окнами, зашторилась занавесками. А долгожданная тишина помогла остаться наедине с собой. С собой и с безумными мыслями:

– Что делать? Что-то нужно делать? – билось в ее сознании. – И что с ней будет, когда этот жуткий испытательный срок закончится? Второй шанс! Чего от нее хотят? Неужели сейчас она снова стоит на краю, словно на том мосту, и теперь должна что-то сделать. Кому-то понравиться? Зачем? Неужели каждый должен кому-то понравиться – кем бы Он ни был? Но это несправедливо! Сейчас она отвечала за то, чего не совершала. Да, хотела сделать, но не сделала, не смогла!.. Или ее остановили и дали еще один шанс? А теперь она должна была им воспользоваться.

Дикая мысль промелькнула в ее голове:

– А если она не выдержит этот экзамен? Что будет, если

она его не сдаст? Неужели это конец? Тот самый, о котором лишь на мгновение она подумала на том мосту? И теперь пришел черед искупать тот шаг, которого не делала, а мутная вода снова была перед глазами.

Ночью ей приснился сон... Снова улица, запруженная людьми. Снова летит она, едва касаясь тротуара, поднимается все выше, и перед ней возникает невероятное зрелище. Там, в конце кривого Арбата появляется мощная фигура гигантского мамонта. Он мчится, не разбирая дороги, потом коротким переулком перескакивает на Новый Арбат. И вот движение остановилось. Машины замерли, люди в недоумении начали выскакивать из них, сбиваясь в пугливые стайки. Пешеходы, в ужасе прилипнув к тротуарам, замерли, остолбенев. А мамонт все мчался по самому центру широкой улицы, сметая автомобили, коверкая их, превращая в груды металла. И вдруг улица превращается в зеленое ущелье, зажатое со всех сторон высокими холмами, а испуганные стайки прохожих уже соединяются в могучий поток. Теперь все эти дикари, сбросив одежды, постылые мысли свои, привычки, с копьями наперевес и камнями в руках настигали свою жертву, а в глазах сиял невероятный звериный восторг. Исчезли машины – только высокая трава, сминаемая мощными ногами мамонта и босыми ступнями дикарей. Зверь в ужасе вращает огромной головой, могучие бивни грозятся невиданной силой, а хобот мотается в разные стороны – он чувствует, что

его догоняют. А люди все бегут.

Вдруг заметила, как высокий человек впереди воинственного племени остановился, замер, уставившись на нее. Он был высокого роста, на нем была короткая набедренная повязка, а в руках копье. Его сильное потное тело было загорелым и отливало коричневым блеском, а глаза светились диким восторгом. Мышцы были до предела напряжены, они мощными буграми проступали на теле – он только что готовился к решающему прыжку, но теперь остановился как вкопанный, продолжая на нее смотреть. Она застыла от ужаса, нервная дрожь пробежала по всему телу. И вдруг этот человек сделал невероятную вещь – он улыбнулся! Он ей улыбнулся, показав свои белые зубы! Это была ослепительная дикая улыбка то ли зверя, то ли человека, и она вздрогнула. Она так давно не помнила, чтобы ей кто-то улыбался. Никогда не видела, чтобы кто-то улыбался ей так. Неужели нужно стать зверем, чтобы уметь так улыбаться? Но почему зверем? Может быть, просто человеком? Человеком, с обнаженным телом и юной душой, с сильными руками и горячим сердцем. С желаниями!.. А они были так искренни и просты. И она уже таяла, как мороженое на раскаленном солнце, под этим взглядом и наивной улыбкой, которая по-звериному была невинна и чиста. Нет, не по-звериному – по-человечески! И больше не хотелось ничего...

Нет! Хотелось! Многого хотелось! Хотелось всего! Она тоже улыбнулась, и невероятный восторг отразился на лице

дикаря. Только теперь поняла, какая улыбка досталась ей в подарок на том мосту, или в той комнате, или... Не важно, где. Но знала точно – эта улыбка обладала магической силой. И так захотелось сбросить с себя надоевшую никчемную одежду, ступать босыми ногами по высокой траве и мчаться вдогонку. Твои рыжие волосы будут развеиваться на легком ветру, а впереди будет маячить сильная спина, за которой можно спрятаться и где ничего не страшно, только дикий восторг от бега или полета в неизвестность. А дальше край скалы. Тот самый краешек, где теплые руки обнимут тебя и не дадут оступиться. Но если ты все-таки сделаешь этот шаг – то только вместе с ним...

Она проснулась и подскочила на кровати. Сон исчез, сон растворился в ночи, и человек с копьем тоже. А был ли он – человек этот? Если был, где он сейчас? Где эти сильные руки, его улыбка? И лишь яркое солнце осталось из недавнего сна. Оно было рядом, было с ней и улыбалось, желая ей доброго утра и хорошего дня. И она вздрогнула, вспомнив обо всем, – «испытательный срок» продолжался...

7

Так в смятении провела остаток вчерашнего дня, потом ночь наедине с безумным видением, проснулась, и теперь мучительно соображала. Нужно было что-то делать, как-то начинать этот день и завтрашний тоже, если он для нее на-

ступит: – Срок без срока! – вспомнила она. Сознание и волю парализовало. Она должна была для себя что-то решить, а сил не оставалось, и откуда их брать, не знала. Сидела на кровати, обхватив колени, как потерянный, выпавший из гнезда птенец, свернувшись комочком, и временами казалось, что сходит с ума. Думала лишь об одном – чего от нее хотят?

– Как просто уткнуться в подлокотник дивана, и никого не замечать, никуда не выходить, – и вспомнила большую фигуру Ильюшеньки, – забиться в угол и тихо сидеть там.

– Как просто наплевать на остальных и идти своей дорогой, не думая ни о ком, – и вспомнила странную женщину-ведьму Королеву.

– Но почему она не может так? Что в этом сложного? Что мешает? Как просто жить своей жизнью! Зачем ей кто-то еще? Почему она не может быть среди людей? Откуда эти мысли, эти сны? Почему хочется бежать, никого не замечая? Что с ней творится? Какой-то мамонт, ... а тот дикарь в короткой шкуре на бедрах. Она так жаждала его найти, встретить! Так хотела быть с ним! Уже любила этого дикаря с копьем в руке и удивительной улыбкой. Сходит с ума? Зачем он ей, зачем все это? А в этот момент за ней откуда-то наблюдают и чего-то ждут! – и от мысли такой ее передернуло. Только теперь поняла, как это ужасно постоянно ощущать на себе чей-то пристальный взгляд. Сейчас она была, словно под рентгеновским лучом, чувствуя на себе чье-то внимание – ежеминутное, ежесекундное и даже во сне!!!!.. Быть

совершенно голой! Быть на виду со своими мыслями, желаниями... Желаниями? Чего от нее хотят? Интересно, можно ли обойти ту комнату? Если на всех наплевать – получишь такой же длинный нос и будешь всех ненавидеть, если зальешь эту жизнь водкой, чтобы не думать ни о чем – снова окажешься там. Как быть? Тихо сидеть в своем углу? Но тогда можно превратиться в безвольного ленивца и зависнуть там на долгие годы, на столетия. Не делать ничего нельзя, она знала это точно. Иначе ее не выпустили бы в этот город. И осталась бы она в той комнате надолго, может быть, навсегда. Значит, нужно что-то делать. Что? И опять вспомнила мощную спину дикаря, за которой почему-то чувствовала себя спокойно и уверенно. И еще знала, что этот получеловек – полужверь с дикой улыбкой точно минует ту комнату и не зависнет. А после... сразу же обретет свободу. Да и сейчас, с этим копьём в руке он был совершенно свободен.

– Становиться дикарем? Не зарабатывать денег, не делать карьеру – если все это тяжелым бременем ляжет на тебя потом... Можно родить ребенка. Конечно! Ребенка! От кого? Не важно! И на какое-то время жизнь обретет смысл. Но, когда он вырастет, – снова остаться наедине в немощи, одиночестве и бессилии перед этим временем. А останется еще значительный отрезок жизни – как быть с ним? И зачем человеку дана такая длинная жизнь – родил, воспитал, выполнил свою миссию и ступай с Богом. Так нет же!

Сейчас она поняла, что впервые в жизни думает об этом.

– Почему?

– Можно писать картины, сочинять музыку... Но все это снова только ради денег – так сегодня делают все – так устроена жизнь! А если о них не думать, забыть о бестелесных бу-мажках, и, как Гоген разрисовывать стены своей пещеры... Снова пещеры!.. Своей хижины гениальными рисунками!.. Потом заболеть смертельной болезнью и сжечь музей-жилище, отойдя в мир иной. Или, как Моцарт, умереть в бедности и нищете, заняв место в братской могилке. А спустя столетия о тебе непременно вспомнят и поднимут на Олимп, но тебя уже давно нет среди живых. Какой ужас!.. Тогда, что остается? Искать своего мамонта? Чушь какая-то! Полный бред... Просто нужно взять себя в руки и найти какое-то дело, стать такой же, как все! Наверное, этого от нее и хотят. Она должна найти свое место, маленький уголок в этом огромном городе, а там будет видно... Только, как жить, если знаешь, что на тебя непрерывно смотрят, пристально наблюдают, решая твою судьбу, и даже делают ставки...

Она вскочила, оделась, накинула на себя легкий плащ, захлопнула ставшую ненавистной квартиру и без оглядки бросилась в город. Он должен ее принять. Ей нужно с этим городом договориться. И выход только один – нужно научиться жить, как все!

Бульвар был разделен широкой дорожкой, по обе стороны которой росли деревья и были расставлены скамеечки, а по-

всюду сновали люди. Они не обращали на нее внимания, а она, широко раскрыв глаза, сидела и в упор на них смотрела. И мерзла. Было очень холодно. Весеннее солнце больше не согревало, а так хотелось тепла. (Легкий плащик не спасал, зябко укутывая от ветра и холода). Но она все продолжала смотреть, сидя на мокрой скамейке. Теперь, преимущественно на женщин. Как они в этом городе живут? Почему она не может так? Чем она хуже?

Женщина лет тридцати промчалась мимо. Женщина торопилась – в обеденный перерыв нужно успеть в магазин, потом на почту, в банк, наконец, вернуться в офис и закончить дела. Она была бухгалтером. На работе перелистывала папки, считала цифры, сдавала квартальный отчет. Зачем делала это? Не важно. Но цифры должны быть в полном порядке, ровными столбиками занимая четкие места на бумаге и на экране компьютера. И вся бухгалтерия должна вестись бдительно и хорошо, а иначе будут проблемы с налоговой, и тогда ее выкинут с работы, нечем будет кормить ребенка, и не на что будет жить. Но что это за чудо-цифры? Это не важно! Цифры и все! Не ее дело. Чужие цифры. И деньги тоже чужие. Главное – все посчитать, разложить по полочкам и вечером мчаться домой. А завтра все с начала.

– И почему мужчины заставляют женщин считать свои цифры? Как это жестоко! – подумала она.

Вот молодая женщина, совсем еще девчонка. Она шла на встречу с клиентом. Работала в агентстве недвижимости

и продавала квартиры. Считалась лучшим агентом, потому что ей везло. Нет, скорее, не везло, просто она умела разговаривать с мужчинами. И если клиент был мужского пола, его непременно «отдавали» ей. Есть такой дар – убеждать мужчин. Была она симпатичной девушкой, с хорошенькой фигуркой и замечательна одета. От нее восхитительно пахло духами, и любой мужик был бы не прочь провести с ней время. Все равно – как. Она это знала и, разумно соблюдая дистанцию, пользовалась своей внешностью. А эти духи дорого обходились ее клиентам. Мужчины готовы были выложить любые деньги за ее квартиры. Потом она получала свой процент и тратила безоглядно. Только на себя! А на кого еще? Снова продавала и снова тратила... Этот город для нее состоял не из улиц и площадей, скверов или парков, кварталов и домов, а из объектов недвижимости и квадратных метров, где каждый имел свою цену.

– Интересно, чем бы она занималась тысячи лет назад? И сколько тогда в пещере стоил квадратный метр?

Вот женщина-коммерсант, вернее, владелец точки на рынке, который был неподалеку. Ей постоянно не хватало денег. За место плати, пожарникам плати, проверяющим плати, бухгалтеру, налоговой... Плати, плати... И поэтому приходилось крутиться. Сейчас она продавала всякую хозяйственную ерунду, и прибыли не было никакой. А, значит, нужно что-то придумать. Придумала! И теперь шла из типографии с новенькими упаковками для шпагата, где было

написано – длина 20 метров и название фирмы. Фирма и не знала, что женщине приходилось отрезать половинку от каждой бечевки, где теперь оставалось всего метров 10. А в эту упаковку она обернет остальной шпагат. А иначе нельзя, иначе бизнес будет убыточен – слишком много в этом городе от нее хотят.

Вот женщина, которая работала в солидном супермаркете, где переклеивала этикетки просроченных продуктов на новые. Занималась она только этим. Наверное, должность ее так и называлась – «переклейщица». Работа у нее была такая. А если придет проверяющий и схватит за руку, придется краснеть, молчать и брать все на себя. Так велел хозяин.

– Но почему мужчины заставляют делать это женщин?

Вот девушка-секретарь. Идет, сияя весенней улыбкой. Лея даже вздрогнула. Эта девушка на самом деле улыбалась. Там, в своем офисе, она перекладывала какие-то бумаги, папки. Отвечала на звонки, потом нажимала на кнопки и переключала. Наверное, работала «переключателем». Еще приносила шефу кофе или чай. Зачем перекладывала? Чтобы все было в порядке. Если есть бумаги – они должны быть в порядке – а как же иначе? Но сегодня у нее был счастливый день. Недавно она прочитала в газете объявление: «Увеличение бюста на 2 размера! Сто тысяч – и вся работа под ключ!» Где у бюста должен быть замочек, куда должен был вставляться этот «ключ», она не задумывалась. Но, главным было то, что теперь у нее эти деньги были – премия щедро-

го шефа! Тот был не против, чтобы ее бюстик был на два размера больше. А она не возражала, чтобы иногда он обращал на нее внимания больше, чем на остальных. И теперь она шла и светилась от счастья! Вдруг заметила Лею. Словно, прочитала мысли:

– Зачем бюстик? Глупая! Как это – зачем? Затем! – и отправилась дальше.

– Интересно, что подумал бы тот дикарь, если бы его подруге за сто тысяч бумажек сделали бы такой подарок? И что сделал бы он с таким спонсором?

Потом шли женщины «продаватели» и кассиры, женщины «проверятели», «обуватели» и «одеватели», «кормители» и «поители». Женщины-любовницы и подруги. Просто, женщины, которые, как и она, были пока никем, но уже готовились что-то продавать, предлагать, настаивать, приносить кофе, увеличивать бюстик и терпеть настойчивость шефа. Они ничего не делали. То есть, ничего не создавали. Вся обувь и одежда шились на далеких фабриках и заводах, еда выращивалась на далеких фермах или угодьях, полях. Сделать они могли только одно – то, что скажет их мужчина-шеф! Некоторые сами пытались что-то придумать, но делали это как-то по-своему, по-городскому, по-мужски. Еще могли родить ребенка! А ведь это немало! Это так много! Но что потом? И еще – все эти женщины хотели одного – денег.

– Но, почему? Ведь вы лучшая половинка человечества, а не убогие особи мужского пола, которые думают лишь о

деньгах, выпивке и сексе, – и вспомнила обитателей странной квартиры, где недавно побывала. Снова посмотрела по сторонам:

Вот эти две женщины торговали на рынке огурцами. А, значит, где-то рядом находились те другие, которые считали первых, третьи считали, тех, кто считал вторых. Четвертые контролировали и первых, и вторых, и третьих. Все эти женщины, безусловно, ели эти огурцы. Но, где же те, которые их выращивали!?

– Может быть, нужно сбежать из этого города далеко-далеко? На необитаемый остров! – вспомнила она. Вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Большая рыжая собака издавала на нее смотрела. Она давно за ней наблюдала:

– Подойти или нет? Есть ли у этой женщины что-нибудь для нее? Если есть – можно помахать хвостом. Если нет... А если найдется лишь какое-то несчастное печенье или кусочек хлеба – хвостом махать не будет. Стоит ли напрягаться?

Поймала себя на мысли, что понимает и эту собаку, чувствует, знает ее мысли – меркантильные мысли ленивой городской собаки, которая на этой улице была такой же, как все, ничем не отличаясь от остальных.

– Интересно, какие собаки были тогда – давно-давно? И были ли они вообще? – и продолжила честно вглядываться в лица прохожих, пытаюсь для себя что-то решить. Сейчас она, как гостя, отвечала на сложный вопрос, как ей в этом городе жить и кем быть? И зачем?

Неожиданно шаги на улице стали раздаваться чаще. Все внезапно устремились куда-то, а издалека послышался гром. Это был самый настоящий гром! Уже мокрые капли настойчиво стучали по крышам, по асфальту, и сильный дождь неудержимым потоком пролился с небес. Ветер неожиданным шквалом накрыл город. Стало темно. Рядом никого. Люди в смятении прятались кто где – под навесами магазинов, на остановках, в арках, под козырьками домов. И даже собака, тихо скуля, забилась под скамейку поодаль. А гром уже сотрясал тяжелый воздух, разбухший от холодных струй воды, и молнии били со всех сторон. Началась гроза, такая ранняя для апреля месяца, когда еще не растаял снег, а последние сосульки лениво капали с крыш, не желая таять и не ведая, что их ожидает. А тут гроза, и шквал воды, и ураганный ветер! Лея замерла, вжавшись в скамейку. Собака с жалостью и удивлением на нее уставилась, а неподалеку раздался грохот, и яркая вспышка ослепила лицо.

– Бежать!.. Куда?... Зачем?...

Ледяная вода просачивалась сквозь одежду, затекая под воротник, шквалистый ветер не давал ей подняться, встать, сбежать отсюда, мешал спрятаться под навесом, где город примет ее в свои объятия и спасет, и не даст замерзнуть. А молнии уже били одна за другой. Дождь нарастал. Он смывал остатки снега, остатки зимы, настаивая на весне, на смене этого надоевшего времени года, а черная туча, облокотившись о крыши домов, низвергала водопады воды.

Внезапно яркий луч света прорвался сквозь крошечное окошко в черном проеме неба и осветил лицо. Она была потрясена. Мгновение назад она лишь подумала об этом. Это было чудом! Уже готова была поверить, что это чудо сотворила она сама! Почему нет?! И откуда взялись силы? Она вскочила и посмотрела наверх, подставляя себя ледяным каплям. Холодно не было! Наоборот! Стало нестерпимо жарко! Ее сердце колотилось с бешеной силой от предвкушения чего-то, от прикосновения сумасшедшего потока, который ниспадал с небес. Сейчас она ощущала в себе всю силу разыгравшийся стихии, которая, поливая водой, пыталась сбить ее с ног, снова лупила, а в глазах замер нечеловеческий восторг. На какое-то мгновение почувствовала себя частицей этого дождя, крошечной каплей. Она была в каждой молнии, слепившей глаза испуганных горожан, которые, прижавшись друг к другу, с недоумением на нее взирали. Была громом, мощными раскатами пролетая над мокрым городом, черной тучей, которая нещадно умывала улицы и крыши домов, ветром, сносившим все на своем пути. Уже играла с молниями, жонглируя ими, а они стали совсем ручными, почуяв хозяйку и повелительницу. А стихия продолжала безумствовать! Казалось, деревья сейчас вырвет с корнем, дома повалятся, крыши пролетят над городом испуганной стайкой, а она все будет стоять, не шевелясь, с восторгом, умываясь весной, которая для нее наступила впервые. И терять ее уже не хотелось, а там – будь, что будет! В душе

пело, в душе ликовало невероятное желание нестись вслед за ветром, брызгать в людей струйками ледяной воды, сверкать огнем, бить молниями, а над головой между домами в прорехе небесной, сверкающее яркое солнце. И вместе с ним она будет светить, давая тепло и жизнь, умываясь восторгом! А, еще знала – в это мгновение город принадлежал только ей одной! Наконец, она с ним договорилась!

И тут она сорвалась с места и побежала. Это была неукротимая черная молния, которая мчалась по тротуарам, по улицам, неслась мимо замерших в заторах машин, по бесконечному зеленому полю, конца которому не было видно. Нелепо размахивала руками, прыгала, танцевала, снова неслась. А дальше бесконечный синий горизонт и солнце над головой. А дальше дикий зверь, которого она настигала, уже слыша его испуганный вой. А рядом люди. Десятки, тысячи! Они тоже что-то кричали и неслись следом в нелепом танце дикарей... Вдруг заметила, что на этой улице была не одна. Она была потрясена! Неподалеку из-под козырьков начали выскакивать какие-то парни, размахивая над головой мокрыми куртками, девчонки, с голыми пупками, мужчины, женщины. Все они черными мокрыми точками сверкали на ярком солнце, вода их заливала, но им было все равно. Заметила старичка. Тот вышел из подъезда дома, в недоумении замер, уставившись на нее. Он не прятался от дождя. Он смотрел на эту танцующую, ненормальную женщину, потом поднял глаза к черной туче, нашел в небе яркий просвет и... улыб-

нулся. Он едва стоял на своих старческих ногах, но руки его тянулись, собирая капли дождя. Вода заливала его, но он все стоял, потом собрал в ладони горсть воды, умылся ею и снова улыбнулся. А в глазах его сверкали, полные юности и восторга, счастливые огоньки. Эта весна добралась и до него.

А люди все мчались, не разбирая дороги, по лужам и газонам, уже по колено в воде, что-то громко крича, и звуки их были похожи на рев разбуженного зверя... Нет, не зверя, человека, который выполз из пещеры и посмотрел на солнце. А в глазах их блестел сумасшедший восторг. Таких было совсем немного. Остальные под козырьками, под домами, нависшими мокрыми тенями, стояли, съжившись, переминаясь с ноги на ногу. А эти неслись все дальше! Глядели друг на друга, продолжая с диким хохотом танцевать...

– Ты танцевал сегодня под дождем? – мелькнуло в ее сознании. А на ее страничке уже мысленно появлялась новая картинка, куда снова заходили люди. Сотни людей, тысячи. Они стояли без зонтов, подставляя каплям дождя мокрые лица и спины, и улыбались. Они улыбались ей... А рядом сидела мокрая собака. Всю эту дорогу она бежала следом за этой странной женщиной. Зачем это делала, почему вырвалась из своего убежища, куда, за кем?

– Еще одна рыжая бестия! – подумала Лея. А еще эти мокрые счастливые люди без зонтов с улыбками дикарей. И солнце слепило глаза...

Но гроза прошла, снова высокое небо над головой и го-

род, умытый дождем как новенький замер, сверкая мокрыми тротуарами. Зима сдалась, она ушла, уступив место весне и лету. Ушла ненадолго, пообещав вернуться. Только позже. Потом! Не сейчас!

Все это время она не задумывалась ни о чем. Словно находилась в другом измерении, в другой жизни, где думать ни о чем и не нужно. Просто жить, и нестись под черной тучей, ослепленная огненными лучами солнца. Но дождь прошел, и Лея вспомнила обо всем, словно, вернувшись на землю. Теперь медленно брела, не разбирая дороги, по мокрым тротуарам.

Так, совершенно промокая, оказалась на незнакомой улице и теперь, не отрываясь, рассматривала большой плакат. Потом, недолго думая, стремительно направилась в открытую дверь высокого здания. Сейчас она не понимала, что с ней происходит. Знала только одно – ей повезло, она нашла то, что в этом городе искала!

– Девушка! Вы совсем промокли! – остановила ее пожилая привратница.

– Да! – с восторгом улыбнулась она на ходу, собираясь идти дальше. Но та, не оценив ее удивительную улыбку, предложила:

– Может быть, вы немного высохнете?

– Конечно! – сообразила она и остановилась, с сожалением глядя в темноту незнакомого помещения, которое ее так

манило, понимая, что в таком виде нельзя. Не положено! И лихорадочно искала выход. Уже готова была уйти, собиравшись встать на улице, раздеться догола, подставить себя горячему солнцу, развесить на ветках деревьев мокрую одежду – сейчас она готова была на все, лишь бы ее впустили сюда, но женщина вдруг воскликнула:

– Куда же вы?

– Туда!? – не поняла Лея.

– Идите за мной, – разумно произнесла она. Потом Лея долго стояла в небольшом тамбуре, а из стенок на нее приятным теплом дул мощный вентилятор.

– И как только сама не догадалась? – мелькнуло в голове. Но одежда высохла, и она снова зашла внутрь здания, купила билетик и стремительно направилась дальше.

Здесь она никогда раньше не бывала, но сейчас шла, почему-то чувствуя себя, как дома. Наконец, поднялась на второй этаж, заглянула в просторный зал, остановилась и заврожено уставилась прямо перед собой. Это был не мираж, не сказка и не плод ее больного воображения. Перед ней был мамонт, настоящий доисторический мамонт! И теперь она оторопело на него глядела, не в силах отвести взгляд. Нет, конечно, это был всего лишь муляж, вернее, остов древнего животного. Его кости были отполированы и покрыты лаком, скреплены они были обыкновенными шурупами и болтами, вся конструкция располагалась за толстым стеклом, а на нее были направлены мощные прожектора. Но все-таки это был

самый настоящий мамонт. И стоило натянуть на него толстую кожу, укутать в теплую шкуру, он стал бы таким, каким и должен быть. А эти бивни — как миллионы лет назад — колоссального размера, они были разведены в стороны, надежно защищая своего хозяина от врагов. Все туловище уходило в вышину, и ростом было с трехэтажный дом. Лея все смотрела, не отрывая глаз. Казалось, что сейчас этот колосс сорвется с деревянного постамента, шагнет в высокую траву и помчится, а стены музея раздвинутся, исчезнут, уступая место широкому лугу, который, распластавшись на многие километры, зеленым ковром расстелится перед этим благородным животным.

И вдруг ее внимание привлекло еще одно зрелище. На стене висел рисунок доисторического племени. Все эти люди или не люди вовсе, а дикари, с копьями наперевес стояли, сгрудившись в стаю, смотрели на нее. А впереди них с невероятной улыбкой замер еще один человек. Тот самый! Из ее сна. Она узнавала его. Она помнила эту улыбку. На мгновение показалось, что слышит запах его тела, чувствует разгоряченное дыхание. Его мышцы буграми проступали сквозь загорелую кожу, а в руке было зажато копье. Он стоял и смотрел на нее. Еще мгновение, и он сделает шаг, сойдет с картины и приблизится к ней. Она задрожала всем существом. Сердце бешено забилося в груди. Уже чувствовала его сильные руки. Он вел ее за собой. Он держал ее в своих ладонях, где помещалась она целиком. Здесь был ее мир. Здесь

она знала, что ей нужно делать. Она любила этого человека, улыбалась ему, а он ей. Эта сказка не была написана на картине или на листе бумаги талантливым пером. Она была настоящей, непридуманной и превращалась в жизнь. В их жизнь! Уже видела их пещеру, закрытую большой шкурой от ветра, холода и дождя, где огонь в очаге отбрасывал тени на стены жилища. Видела тот камень в руке, которым водил он по ней. А эти линии сплетались в удивительную картину. Линия, не прерываясь, уверенной рукой оставляла след на стене, в их жизни, в их судьбе. Он рисовал ее. Он выводил рукой мастера черты ее лица, все изгибы обнаженного тела, фигуры. Оставались всего лишь какие-то штрихи, и картина оживет. Вдруг, шум за пределами пещеры отвлек его. Он хватает копье и мчится прочь, и где-то далеко уже слышится его грозный рык. А огромный мамонт спасается от разъяренного племени. А рядом, в теплых шкурках, лежит завернутый комочек, крошечное существо, маленький человечек, который, широко раскрыв глаза, смотрит на нее и улыбается. И еще тепло очага. И ветер, который трепетно заглядывает в жилище, ласково шевеля ее огненные волосы...

– Мы закрываемся, – неожиданно услышала она чей-то голос. Человек стоял рядом и внимательно на нее смотрел. Он уже несколько раз успел повторить эту фразу, но она не слышала. Он никогда не видел людей, которые такими глазами разглядывали экспонаты в его музее, а потому терпеливо ждал.

– Но почему так рано? – от неожиданности вздрогнула она.

– Обычно мы работаем до восьми часов, но сегодня у нас переучет, – грустно ответил он.

– А-а-а, понятно, кости пересчитывать будете, – неожиданно вырвалось у нее.

– Простите? – удивленно уставился на нее служитель музея. Она в смущении промолчала. Но пожилой экскурсовод внимательно и серьезно на нее посмотрел и почему-то произнес:

– Нет, не кости – деньги.

Никому другому он не сказал бы такого, но этой странной девушке почему-то сказал. А она вдруг спросила:

– А в вашем музее нельзя устроиться на работу?

Он удивился, потом спросил:

– Зачем вам это? – в его глазах застыло искреннее изумление. А она горячо добавила:

– Я могу делать все, что угодно. Могу уборщицей или смотрителем в зале. Могу в гардеробной подавать одежду!

Тот продолжал на нее какое-то время смотреть, потом грустно произнес:

– Нет, милая девушка, музею больше не требуются сотрудники, скорее, наоборот. Сейчас многих будут сокращать, – помолчал немного и добавил:

– Сегодня у нас заседание, где и будет решаться вопрос, как нам жить дальше. История больше никому не нужна. Ра-

ботники музеев теперь живут хуже дикарей, – и показал на картинку, где было изображено племя доисторических людей. Она с сожалением кивнула, посмотрев на картину и снова на него. А глаза ее странно загорелись.

– Это не дикари! – серьезно возразила она. И в запале продолжила:

– А, может быть, вам просто..., – воскликнула это и снова перевела взгляд на картину.

– Что? – почему-то с надеждой спросил он, глядя на странную посетительницу. Но она запнулась, ничего не ответив. Потом произнесла:

– Нет-нет! Ничего! Не обращайтесь внимания, – помолчала немного, – это я так, о своем! – и стремительно вышла из просторного зала, где совсем недавно чувствовала себя, как дома. А служитель музея, проводив ее взглядом, долго и внимательно изучал картину, словно видел ее впервые.

Наконец, она вернулась домой и в смятении бросилась на кровать. Думать не хотелось ни о чем, а что ей делать, она не знала.

– Нарисовать дождь! Эту удивительную черную грозу с яркими всполохами и солнцем в округлом окошке.

Подошла к компьютеру и за считанные минуты передала на экране свои ощущения от грозы, от ледяной воды, которая умывала город. И снова на ее страничку начали заходить люди. Великое множество людей. Снова они спорили, говорили, кричали электронными голосами. Вспоминали, когда

в последний раз подставляли лицо каплям дождя. Но, она их не видела. Даже не знала, как их зовут. Какие-то электронные клоны, копии людей, подобия живых особей со странными именами. А хотелось чего-то другого. Настоящего! Чего — она не знала, только вспоминала мамонта и еще того человека с копьем.

8

На следующее утро, проснувшись, сразу же в ужасе вспомнила обо всем. Еще один день нависал над ней, продолжая испытывать. А вереница часов готовили ей события, где она могла заблудиться во времени и пространстве, не зная, что делать и как ей быть. А пространство это находилось между небом и землей, и было его так много, что голова кружилась. Снова ветер развеивал занавеску, и мысли города врывались в распахнутое окошко, но слышать не хотелось никого.

Звонок телефона заставил ее отвлечься от этих мыслей. Жизнерадостный голос подруги возвращал ее на землю. Как обрадовалась она этому звонку! Поймала себя на мысли, что не может быть среди людей, но и не может оставаться одна. Столько времени находиться в четырех стенах — для нее было пыткой.

— Подруга, мы сейчас едем в гости! — уверенно вещала Оксана.

– Послушай, подожди, – попыталась перебить ее Лея...

– И слышать ничего не хочу! – категорически возразила Оксана. Но Лея все-таки сумела задать вопрос:

– Ты не знаешь, где можно найти работу? Любую работу!

– Зачем тебе работа? – изумилась ее собеседница. Потом подумала и произнесла:

– Работу... Сколько угодно. Кстати, сейчас мы едем в то место, где и находятся серьезные люди. Ты думаешь, мне охота торговать шляпками и панاماми? – и стало понятно, что она тоже находилась в поисках счастья. И такая жизнь ее совсем не устраивала. А эта энергичная девушка знала, что делала и что говорила, и Лея целиком доверилась Оксане, впрочем, ей было все равно. Лишь бы не находиться больше дома, сходя с ума. Но задала еще один странный вопрос:

– Там будет много народу?

– Нет, не очень... Несколько человек. Зато каких... А что? – удивилась такому вопросу Оксана.

– Слава Богу, – прошептала Лея, но та ее не поняла. И невозможно было объяснить подруге, что видеть толпы этих людей она больше не может. Все было каким-то наваждением...

– У тебя все нормально? – послышался озабоченный голос подруги, – ты здорова, ты в порядке?

– Да – да, – только и ответила Лея.

– Через полчаса заеду! Собирайся! И надень приличные тряпки – там будет маленький Бомонд!

Бомонд состоял из шести человек — четыре особи мужского пола и две дамы. Когда они подъехали к этому шикарному особняку, их встретил охранник и, спросив, кто они, вежливо распахнул калитку. Нет, не калитку, а ворота, которым мог бы позавидовать Эрмитаж. В глубине двора стояли парни из охраны, одетые в красивую черную форму, а на поясе у них виднелось оружие. Словно здесь находился банк или объект специального назначения, который нужно было охранять. Повсюду, как в сказочном парке, были разбросаны дорожки, которые уводили вглубь просторного участка, в стороне виднелся открытый бассейн, за ним стеклянное сооружение, где, скорее всего, находился тренажерный зал. В другой стороне они увидели большую веранду, где при желании могли поместиться человек двадцать. Там стоял длинный стол и видны были приспособления для готовки шашлыка и прочей снеди. А вертел был такого размера, что на нем без труда мог быть зажарен целый баран. А, может, и корова... Целый мамонт! И в одежде дикарей люди прыгали бы через костер и танцевали, празднуя удачную охоту... Лея отмахнулась от этих мыслей, приходя в себя, а у Оксаны глаза загорелись. В подобном месте она не так давно жила сама. Это была ее стихия.

Девушки вошли в дом, где сразу же бросилась в глаза огромная люстра. Она, сверкая хрустальными гирляндами, уходила на высоту, к самой крыше этого четырехэтажного

дворца, а вокруг нее из мрамора извивалась округлая лестница. По ней они и поднялись наверх, провожаемые вежливым портье, а повсюду опять сновали охранники. Здесь была просторная зала. Все стены были увешены фотографиями знаменитых актрис и моделей. На других были видны фрагменты со съемочных площадок. Действие происходило то на палубе корабля, то на берегу моря, на площадях мировых столиц, в самолетах, на воздушных шарах. Только в космосе, наверное, не успел побывать хозяин дома со своей съемочной бригадой. За столом, покрытым зеленым сукном, сидела небольшая компания. Все они были одеты совсем не в простую одежду. Такие наряды стоили немислимых денег, и Лея поначалу оробела. Пока они ехали в небольших заторах и пробках, Оксана успела ей кое-что рассказать. Впрочем, стоило им встретиться – она уже все знала сама:

В этот дом Оксана ехала впервые. Один хороший приятель дал ей этот адрес, где и состоится знакомство с известным продюсером и режиссером, который ищет симпатичную женщину на роль в новом его кино. Какое кино – она не знала, да и сценарии в наше время читать было не принято, и актером быть тоже не обязательно. Главное – кино.

– Немножко эротическое, но это ничего, даже интересно, – добавила Оксана.

– Как это – «немножко»? – переспросила Лея.

– Увидим! – ответила подруга.

– Тебя это не смущает? – спросила Лея.

– Меня смущают мои шляпки и... отсутствие рядом нормального мужика. Ты еще не поняла, куда мы едем? – и она кивнула в сторону окна. А дорога становилась все уже, и скоро начали появляться окраины города, а всем известное шоссе вело их в самый респектабельный район Москвы. (Всем известный район!) И Лея почему-то успокоилась – здесь живут серьезные люди. Слава Богу, волноваться не стоит. Здесь не попросят переклеивать ценники и ярлыки. Да и кому они нужны? А людей за окошком машины становилось все меньше, и Лея совсем успокоилась, даже немного расслабилась, потом спросила:

– Зачем ты взяла меня?

– Повторяю, – энергично отозвалась Оксана, – там собираются нужные люди, серьезные мужики. Может, найдешь себе кого-нибудь, подруга, – засмеялась и добавила: – Золушка ты наша. Кстати, чем тебе не понравился тот парень? – и опять засмеялась, назвав имя мужчины, от которого Лея на днях сбежала, – хороший мальчик, культурный... Хотя, ты права, птица не нашего полета. Но сегодня будь начеку – ты меня поняла?

Оксана явно брала над ней шефство.

– Поняла! – засмеялась Лея, – я тебя поняла охотница за толстыми кошельками.

– Ответ неправильный! – возмутилась Оксана, грозно на нее посмотрев. – Дорогая, ты что?

– Ты едешь в этот дом первый раз! – не выдержала Лея. –

И людей этих увидишь впервые! Тебя это не смущает?

– Да-а-а! – протянула Оксана. – И как ты в этом городе столько лет продержалась? Ладно, оставайся рядом. Все будет хорошо!

Бомонд встречал новых гостей холодно, со снисходительными улыбками и репликами. Эти люди вяло оглядели девушек и уставились в свои карты.

– Снова карты, – подумала Лея, – снова игра.

А игра шла серьезная. Здесь люди не ставили фишки, а расплачивались наличными. Делали это легко и непринужденно, но от их количества могла бы закружиться голова. Лея никогда не видела такого количества денег, но отнеслась ко всему спокойно, сидя поодаль рядом с Оксаной и наблюдая за людьми. А те энергично, темпераментно делали ставки, хохотали, смахивая выигрыш или проигрыш со стола, и все начинали сначала. Играли в покер.

– Вот этот – Йогурты и «молочка», – восторженно прошептала Оксана, отпивая коктейль. Вела она себя уверенно, моментально сориентировалась, и теперь занимала позицию.

– Что? – переспросила Лея, – ах да, йогурты! – сообразила она – один из этих людей торговал молочными продуктами.

– Мороженое-шоколадные-батончики, – продолжала Оксана голосом экскурсовода, указывая на следующего мужчину. Но Лея уже ее не слышала. Она все знала сама. Дальше сидела жена мехового короля, за ней дама, сбегавшая от своего рыбного магната, отсудившая у того приличное состоя-

ние. За ней скромный чиновник, живший в особнячке по соседству. Особняк стоил немислимых денег, но вид у чиновника был весьма скромный, хотя и респектабельный. И он честными глазами смотрел в свои карты и стопку денег, лежавшую перед ним. И, наконец, хозяин дома.

– Как тебе Шоколадный Батончик? – спросила Оксана.

– Бери его себе! – засмеялась Лея и мельком бросила взгляд на олигарха-кондитера, который, заметив ее улыбку, тут же со словами: – я пас, – неожиданно бросил карты и направился к ним. Этой улыбки оказалось вполне достаточно. Игра прервалась, и теперь остальные в упор смотрели на девушек. А Батончик, подойдя ближе, с удовольствием рассматривал Лею.

– Не хотите присоединиться? – бросил им хозяин, приглашая к столу.

– Нет, спасибо! – отозвалась Оксана, отпивая из бокала, – предпочитаем рулетку.

– Вся наша жизнь рулетка, – засмеялся Кондитер, – не надоело вращать барабан?

Он уселся у журнального столика напротив и внимательно рассматривал Лею, не глядя на Оксану. Лея тоже на него посмотрела. Она видела, что нравится этому человеку, и ей было приятно. Перед ней сидел мужчина лет пятидесяти. Был он немного тучен, но изящная одежда скрывала недостатки его фигуры. – Впрочем, какая разница, – отмахнулась она. Лея впервые находилась в подобном обществе и в этом райо-

не Москвы. Все здесь было совсем по-другому, и ей стало интересно. И человек этот тоже был ей интересен. В его взгляде светились уверенность, внимание и такт. Стоило взглянуть на него, она уже знала, что он владеет бизнесом по продаже батончиков и мороженого, продавая свой товар по всей стране. Он ничего не производил, не имел никаких фабрик – бизнес его велся на бумаге, и на складах, куда продукты поступали из-за рубежа, а потом развозились по всей необъятной стране. Дом его находился недалеко отсюда. Это был огромный особняк, который, скорее всего, тоже состоял из шоколада, стены которого были вылеплены из сладкого мороженого, а на крыше красовалась огромная кремовая розочка. Батончик (как назвала его Оксана) был дважды разведен, и теперь пребывал в состоянии завидного, богатого жениха. Сладкого жениха. И сейчас он восторженными глазами смотрел на нее, о чем-то говоря. И речь его тоже была сладкой, как патока. Почему-то в голове промелькнуло – если вести себя правильно, вполне возможно очень скоро оказаться в его постели, а потом, ... может быть, ... когда-нибудь, ... стать королевой сладкого бизнеса, шоколадного дома и этого человека в придачу, который тоже напоминал мороженое – то ли Эскимо, то ли Пломбир. Вдруг подумала:

– Как это осязаемо, как реально и просто!

Сейчас она читала его мысли. А Кондитер давно искал себе сладкую женщину, которая по утрам улыбалась бы ему такой улыбкой!

– А как он на нее смотрит! Этот человек уже сходит с ума. Стоит ей пальцем пошевелить – и он будет принадлежать только ей! – Лея была в этом совершенно уверена.

– Зачем ей это? – вдруг мелькнуло у нее в голове. Но какой-то внутренний голос прошептал:

– Не будь душой! Любая женщина, любая Оксана была бы счастлива от такой перспективы. Это предел мечтаний для любой Золушки. Все просто! Все проблемы решатся в один момент. А дальше – достойная, жизнь. Достойная и сладкая. А этот будет восторженными глазами пялиться на тебя вечно, завидев твою улыбку. От тебя потребуется лишь немного внимания, немного обязательных супружеских обязанностей, и не забывать улыбаться – и мир падет к твоим ногам! А, может быть, удастся полюбить этого сладкого человека? Все просто! Человек-Эскимо – это твой шанс!

– Но тогда, кем станет она – леденцом на палочке? – вдруг вспомнила она мерзкие слова Казановы. Но голос из глубины сознания продолжал ей шептать:

– Почему нет!? Какая тебе разница до какого-то спора? Стать такой же, как все. Не стоять на краю, посматривая в мутную реку, не видеть, как от тебя сбегает очередное ничтожество. Вот он, богатый, уверенный в себе человек. Почему – нет?

И она скептически вспомнила потного дикаря с копьем. А тут – реальный, настоящий, живой, богатый, а, значит, и сильный мужчина. О чем еще мечтать? Может быть, этого от

нее и хотят? Это и есть тот шанс?

А Батончик все продолжал смотреть с восхищением и даже с нежностью. Он таял, как мороженое. Лея спокойно наблюдала за ним и, молча, одними глазами улыбалась. Совсем немного, но этого было достаточно. Кондитер был словно на привязи у этой улыбки. Оксана, тем временем, выпучив глаза, заморожено следила за человеком, который запал на ее подругу. Она была потрясена. А всего-то одна улыбка... Но Оксана всего не знала и понять секрет успеха подруги не могла.

Лея, вежливо отвечая на вопросы кондитера, продолжила с интересом рассматривать остальных. Сразу же, войдя сюда, она почувствовала, как все они отличаются от тех, за стенами этого дома, этого района Москвы. У них не было проблем, мысли их были простыми и предсказуемыми. Каждый из них имел в жизни главное – деньги! Много денег! А поэтому имели они все, и никаких проблем. Как они их заработали? А неважно – как! Почему-то запретила себе копаться в их прошлом. Заработали и все, тем более, все это было давно. Уже десяток лет прошло. Ей было легко с этими людьми. Легко и просто, правда, как-то скучно. А хозяин, по имени Артур, действительно снимал кино, и сегодня ждал Оксану, которую ему рекомендовали. Все мгновенно промелькнуло в ее голове, и она успокоилась. Вот только было в его взгляде что-то неуловимое, что-то стояло за душой этого человека, но что – она не понимала. Видимо, все дело в его фильмах.

Да, разве поймешь этих творческих людей? Интересно было бы что-нибудь посмотреть из его работ. А после всего случившегося, ей требовалась передышка. Ей нужно было отвлечься, забыться, и не думать ни о чем. Не вспоминать!

Артур тем временем развернул большой экран, приглашая гостей оценить его последнюю работу. Все расселись, как в кинотеатре, он щелкнул пультом, и фильм начался. Оксана тоже с восторгом уставилась на экран. Там была красивая жизнь, красивые мужчины и женщины, красивые наряды. Шикарная яхта. Море... или океан. Снова люди. Кондитер, присев рядом, постоянно шептал ей на ушко какую-то сладкую ерунду, а Лея с удовольствием смотрела кино. Это занятие немного отвлекало, унося ее мысли далеко от говорящего города и его проблем. И она, наконец, расслабилась. Стало хорошо и спокойно.

История была простая – ревнивый муж преследовал красавицу-жену, устраивал сцены, но ничего не находил и прощал, и любил эту юную девочку, которая снова и снова ему изменяла, используя любую возможность. Но всегда возвращалась к нему – к немного обрюзгшему человеку, который был старше ее лет на двадцать или на тридцать. И снова клялась ему в любви. Это был «немножко» эротический фильм – действие происходило то на корабле, то в пабах и ресторанах, в гостиничных номерах. И режиссер использовал любой эпизод, чтобы дать возможность юной девушке сбежать от мужа и насладиться молодостью, красотой и жиз-

нюю. А тот снова ее искал, не находил и снова прощал. Но прощать было нечего – в своих «невинных» шалостях она была неуволнима, и доказать он ничего не мог...

Батончик к этому времени уже громко трепетно дышал, держа Лею за руку. А та и не возражала, словно, не замечала. Лея смотрела кино. Но Оксана, увидев это, была потрясена. Ей никогда еще не удавалось увлечь мужика в этом районе с такой сумасшедшей скоростью, а ее подруге было все нипочем. Она для этого даже ничего не сделала! Но фильм продолжался.

...И тут одна обманутая жена решила за главного героя его сложный вопрос. Она предоставила ревнивцу пикантные фотографии с неопровержимыми уликами, и тот пришел в ярость. Он готов был растерзать главную героиню, уничтожить ее, стереть с лица земли. И вот большой корабль уносит их в бесконечность океана, снова любовь, и он уже готов прощать ей все. Он даже не в силах признаться в том, что знает о ее изменах. Действие стремительно развивается. Восхитительный закат на белой палубе, солнце играет лучами на их взволнованных лицах, снова шампанское, трогательные речи. Сегодня ее муж, этот богатый, сильный, уверенный в себе человек, выглядит совсем по-другому. Он что-то скрывает. Он полон желаний и сил, необузданной страсти. Девушка удивлена, почти влюблена! В своего мужа! Она никогда не видела его таким! Но он готовит сюрприз, и она чувствует это. И вот они в постели на большом диване верхней палу-

бы. В который раз во время длинной киноленты эти двое занимаются любовью. Эти двое или не эти – не важно – главное любовь! Заходящее солнце нежно ласкает обнаженные тела, легкий ветерок шевелит на подушке ее длинные волосы. Размеренный плеск волн за бортом поет волнующую песню прибоя. И, наконец, финал. Красивый финал! Неожиданно он достает кинжал и вонзает любимой в грудь. Делает это остервенело, с исступлением и яростью. И крупным планом ее глаза. И его глаза. Кровь брызжет во все стороны, а она смотрит на него, бледнея. И он тоже смотрит. Он прощается с нею. Даже сейчас он продолжает ее любить... И она тоже... Но силы ее покидают...

Лея вздрогнула. То ли от боли, которую причинил ухажер, вцепившись ей в руку, то ли от чего-то еще – она пока не понимала. В этом фильме таилась какая-то загадка, тайна. Оглянулась на подругу – Оксана сидела, заморожено глядя на экран. Она была в восторге. Это был неплохой фильм, изумительно снятый, где не было безобразных сцен насилия, только красивая музыка и красивая любовь. И «немножко» эротики. А потом – неожиданный финал! Зрители начали аплодировать, а Лея снова вздрогнула. Что-то было не так. Она смотрела в лица людей, не понимая. И вдруг прозрела – последний эпизод, он был настоящий, не придуманный, и кровь была тоже настоящей. А девушка на палубе корабля умирала на самом деле. В этом фильме не важно было показать дикий разврат или оргии, но важно было снять на-

стоящий финал, и он получился. А в глазах главной героини застыл подлинный ужас. Теперь Лея знала все – этому продюсеру нужны были актрисы лишь на одну роль. А в следующем фильме снова на одну. И так до бесконечности. Она опять уставилась на лица людей и вдруг заметила, что все они знают об этом, и дикий нечеловеческий восторг сиял в их глазах. И в глазах ее ухажера тоже. Видимо, Шоколадный Батончик любил не только сладкое, но иногда кое-что поострей и погорячей. А над головами зрителей зависло маленькое прозрачное облачко. Оно парило, как дымок от сигарет, и было бордово-черного цвета, цвета догорающих углей в ночи. Они обо всем знали, не догадывалась ни о чем только Оксана. Лея снова посмотрела в глаза шоколадному кавалеру, и ее передернуло.

Вдруг заметила еще одного человека – Казанову – дьявольского красавца, который появился неизвестно откуда и теперь сидел в этой просторной комнате, с удовольствием, исподволь поглядывая то на нее, то на Оксану.

– Что делать?

Она была в западне. Она должна была спасти глупую подругу, эту взбалмошную красавицу, которая рисковала жизнью, не догадываясь ни о чем. А люди начали постепенно разбредаться, наливать себе напитки, разговаривать. Оксана с Артуром отошли в сторону, что-то горячо обсуждая. Ей не нужно было их слышать – все было понятно и так. Сегодня будут пробы, съемки начнутся через неделю на далеких-да-

леких островах – красивые места, сказочные бухты, корабли и самолеты, переезды, перелеты, города. Красивая любовь, немного эротики и солидный гонорар. А потом известность, фотографии на обложках дорогих глянцевого журналов и совсем другая жизнь!

– Только она не вернется оттуда, – стучало в сознании Леи. – Она улетит навсегда, и жизнь ее будет красивой и яркой, как она того и хотела, только очень короткой. Ее нужно предупредить!!! И сделать это немедленно! Оксана должна узнать все прямо сейчас!!!

Вдруг почувствовала, что кто-то одернул ее за рукав и услышала:

– Пойдем-ка поговорим, красавица.

– Позвольте! – попытался вмешаться ее кавалер. Но Лея, строго посмотрев на него, четко произнесла:

– Я занята!

– Но...

– Занята, тебе же сказали, сегодня она занята, дружище. Дуэли не будет, извини, – засмеялся Казанова, и обескураженный Батончик остался один.

Они вышли на просторный балкон и какое-то время молчали. Глядя на этого человека, она не знала, о чем тот думает. Она снова не слышала его мыслей. А Казанова, отведя от нее взгляд и облокотившись о перила, смотрел куда-то вдаль. Потом мечтательно произнес, разведя руки:

– Какая красота! Умеют жить люди! В мои времена такие

дворцы могли себе позволить немногие. Единицы! А тут! Посмотри – сколько их! Какая богатая страна!

– Зачем он все это говорит, как он здесь оказался? – думала она. Но тот, словно не замечая ее, продолжал:

– И люди все уважаемые. Вон тот дом принадлежит скромному милиционеру, трудяге, полковнику. Работает в серьезном подразделении. Приносит пользу родине. Да, детка? – засмеялся он.

– Что он здесь делает? – мучительно думала она.

– А этот построил себе один политик, по совместительству уважаемый бизнесмен, – весело продолжал Казанова. – А вон тот уважаемый директор школы. Дальше поместье гаишника. Такие, с палочкой ходят – знаешь? А в-о-о-о-н там одного уважаемого чиновника, а за ним, депутата, потом, врача. Вернее, не врача, а директора районной поликлиники. А вон там проживает уважаемый человек из спорткомитета... налоговый инспектор... чиновник средней руки... Потом человек – нефтяная вышка, за ним – человек-пропан, человек-бутан! Стихи можно сочинять! И все они хозяева жизни, твои хозяева!!!

– Чего он от нее хочет? – стучало в ее сознании.

– Да кто тебе поверит? – вдруг резко обернулся он и посмотрел на нее.

– Тебе! Ты кто такая? Никто! А это все уважаемые люди! И бизнес их уважаемый, и хозяин нашего дома тоже. Человек искусства, настоящего искусства! Подлинного! – и засмеял-

ся. Его хохот дьявольским эхом разнесся в округе.

– Тебе даже твоя подружка не поверит, которая закрылась с ним в соседнем павильоне, где он сейчас раздевает ее и лапает. У него, так сказать, пробы, а свое дело он знает хорошо. Тебе не поверит никто, если ты решишься кому-то рассказать. Такое вообще мало кому может прийти в голову – это гениальный человек. Тем более, что друзья-соседи его всегда прикроют. Ну что – расскажешь все глупой девчонке?

– Конечно! – воскликнула она.

– А как же наше условие? Или ты будешь ей помогать? Соскучилась по нашей компании? Сломалась? На следующий же день! – и опять засмеялся. И тут Лея поняла все. Теперь она знала точно – это была его работа. Но деваться было некуда.

– Плевать я хотела на ваше условие. Так вашей носатой и передайте!

Уже бросилась в сторону комнаты, но рука красавчика ее остановила.

– Ты что, совсем дура? Зачем тебе это?

– Оставьте меня!

– Ты так легко играешь со своей жизнью? Ради кого? – и он с интересом на нее уставился. – Ты видела эту особу всего два раза в жизни! Она для тебя никто!

– Отпустите мою руку!

– Любой мужик готов упасть к твоим ногам, стоит тебе только захотеть. Ты это не поняла? Ты еще не поняла, какой

подарок тебе достался от Него?

– Я сказала, отпустите меня!

– Все эти людишки в соседних домах будут твоими рабами. Будут в очереди стоять за твоей чертовой улыбкой... Извини... Не чертовой... Я хотел сказать... Короче, не важно, – и он горячо продолжил:

– А что делаешь ты? Какая-то Оксана! Да-а-а, Изольда Карловна была права, ты совсем идиотка! – и Казанова продолжил восторженно на нее смотреть. Он никогда не видел таких женщин и на мгновение о чем-то пожалел.

– Зачем тебе нужна эта девка? Такие Оксаны в эту минуту тысячами гибнут по всему миру в разных притонах от дурости своей. Они виноваты сами...

– Я ей помогу, – зло перебила Лея, вырываясь из его тщедушных объятий, желая уйти.

– Тогда, сделаем так, – внезапно сменил он тон, задумался и дружески произнес:

– Ты можешь ей не помогать и, так сказать, соблюсти статус-кво. Но, тем не менее, спасешь ее.

– Не поняла? – воскликнула Лея.

– Подумай! – и снова во взгляде этот дьявольский огонь.

Ужас сверкнул в ее красивых глазах, но собралась, взяла себя в руки и неожиданно дерзко улыбнулась. Ее собеседник отскочил, как от удара молнии. Он не выдерживал эту женщину. Он больше не мог видеть ее улыбку. А она, поняв это и смерив его взглядом, полным ненависти и презрения,

спросила:

– И все это ради ничтожного спора?

Тот прищурил глаза и галантно произнес:

– Не нужно было, красавица, называть меня старым лысым козлом! – потом неожиданно взвизгнул:

– Меня нельзя так называть! Есть вещи, которые не прощают!

– И поэтому вы нашли способ, как сделать из меня шлюху. Решили повоевать со слабой женщиной! Настоящий мужчина! Мужик! И как тебя бабы любили – такого размазню? – неожиданно перейдя на «ты».

– А, знаешь? Ты и есть старый и лысый козел! К тому же – немощный!

Он залился густой краской, но сказать ничего не смог, только заворожено смотрел в эти сверкающие глаза. Таких он действительно никогда не видел. Больше она не раздумывала ни о чем.

– Я хотела задать вам один вопрос, – уверенно произнесла Лея, подходя к Артуру. Эти двое уже вышли из отдельного кабинета-павильона, закончив пробы, которые, судя по сияющему лицу Оксаны, прошли успешно, и в этот момент договаривались о следующей встрече. Артур оторвался от ее подруги, с удивлением посмотрев на Лею. Он смотрел на нее с сомнением, скептически, понимая, о чем та хочет его спросить. Все эти хорошенькие девушки, приходя сюда, задают один и тот же вопрос. А Оксана глядела, не понимая.

– Как сняться в моем фильме? – закончил он, опередив ее.

– Да! – коротко ответила она. От такой уверенности он на мгновение замолчал. Обычно эти «актрисы» разговаривают с ним другим тоном. Но все же ответил:

– Попробуйте позвонить мне через... месяц, когда мы вернемся со съемок. Посмотрим, поговорим, у нас большая текучка кадров, – сказав эту дикую фразу, он хотел отойти в сторону.

– Нет! – вдруг ответила она.

– Что, нет? – переспросил он.

– Мне нужна роль в этом фильме. Именно в этом! И через неделю я должна ехать на съемки! – спокойно произнесла она. Такой наглости он не ожидал и замолчал, а Оксана задохнулась. Такого с ней еще не было. Артур прищурился и криво усмехнулся, а Оксана заметила этот взгляд.

– Все нормально, все хорошо! – подумала она. – Ну, я тебе покажу, подруга! – мелькнуло в ее глазах. Артур уже собирался уйти. И вдруг Лея сделала невероятную вещь. В этот момент она ощущала странный, безумный прилив энергии. А яркое солнце освещало ее хрупкую фигуру. Оно было с ней, оно согревало, обжигая спину и все ее существо, придавая невероятные силы. И Лея почувствовала эту связь. Сейчас она была словно проводник, по ее жилам бежал ток невероятного напряжения. В этот момент она была способна на все! Лея взяла Артура за рукав, резко повернула к себе и громко произнесла: – Не думаю, что вы сумеете мне

отказать, – и улыбнулась. Она ему улыбнулась! Эта улыбка сумасшедшим огнем блеснула в ее глазах и Артур оторопел. Он был ослеплен. Он замер, стоя, как истукан, глядя на эту необыкновенную женщину и ее невероятную улыбку. Это было потрясением! Сейчас его жизнь на мгновение остановилась, замерла, и он таял в удивительных, больших глазах этой женщины, уже тонул в них, растворяясь. Он был... счастлив!

Вдруг Оксана воскликнула:

– А ну-ка, отойдем в сторонку, подруга!

Но Артур почему-то, схватив ее за руку, остановил. По его лицу, как молния, пробежала гримаса невероятных страданий, словно его лишали чего-то главного, ценного, дорогого! Он пробормотал:

– Оксана,... давай в другой раз,... давай на следующий фильм.

Но Оксана гневно произнесла:

– Артур, ты мне обещал! Мы договорились! Это не по понятиям!

– По понятиям!? – внезапно заорал он. Сейчас Артур глядел прямо на нее, потеряв на мгновение Лею... и ее улыбку. – Ты мне будешь рассказывать о понятиях?! Истеричка, вон из моего дома! Если я сказал – нет! Значит, нет! Проваливай отсюда!

И для убедительности добавил еще несколько крепких слов. Оксана в долгу не осталась и выпалила целую тира-

ду комплиментов на всем известном языке. А язык этот она знала хорошо. – Придурок! – воскликнула напоследок, сверкнув красивыми глазами. – Дебел! – и выскочила из комнаты. – Еще увидимся! – бросила на прощание Лее.

– Но, позвольте! – хотел было вмешаться в разговор Шоколадный Батончик и восстановить справедливость. Он первый сегодня обратил на нее внимание. Он должен быть первым!

– Я занята! – строго повторила Лея, глядя ему прямо в глаза. А люди в комнате с удивлением уставились на хозяина дома – давно они не видели его таким. В этот момент с балкона показалась высокая фигура Казановы. Он улыбнулся, громко произнеся:

– Хороший выбор, Артурчик! Молодец, дружище! Это будет шедевр! Особенно финал. За такую улыбку можно отдать все!

Артур снова восторженными глазами уставился на Лею.

– Пройди в ту комнату, детка, я скоро приду, – и добавил:

– Посмотрим, что ты умеешь. Сделаем несколько кадров.

Лея молча зашла в соседнее помещение, и дверь за ней закрылась. Она осталась совсем одна.

До этого мгновения все было понятно и просто, но теперь ей стало страшно. Еще минуту назад она знала, что нужно делать, но теперь растерялась. Она попала в западню, которую устроил ей это ничтожество Казанова и не находила места, от возбуждения широко раскрыв глаза, стояла и задыха-

лась. Осмотревшись, увидела небольшую киностудию, где по краям в ожидании замерли прожектора и камеры, а у дальней стены огромную кровать, которая была накрыта белоснежным покрывалом. Было светло и чисто. Чистота эта казалась стерильной, как в операционной. И тут перед ее взором промелькнули лица несчастных, которые заканчивали здесь свои жизни, ни о чем не догадываясь. В их глазах застыло выражение ужаса и боли, и бесконечного удивления, недоумения. И снова только боль, которая парализовала сознание и волю. А на белоснежном покрывале растекались ручейки крови. Это была не кровать, а место казни, место, где рождалось настоящее, истинное, как сказал Казанова, «подлинное искусство»! И у этих шедевров, разумеется, был свой зритель.

– Придет время, и гениальному режиссеру Артуру придется заглянуть в эти, искаженные ужасом, глаза, – вдруг подумала она. – Каждой из этих несчастных!.. Господи, ну почему она снова думает о ком-то еще, – мелькнуло в сознании, и она подошла к открытому окну.

Был высокий второй этаж.

– Можно попробовать перешагнуть через подоконник и прыгнуть, сняв неудобные туфли на высоком каблуке. А вон и Оксана садится в свой автомобиль. Еще можно успеть, и она уедет вместе с ней, если не переломает ноги. А если...

И вдруг дикая мысль мелькнула в ее голове:

– Если сделать шаг. Всего лишь шаг, перенестись через

подоконник, тогда... можно просто улететь. Как птица... Как самоубийца, – и представила себе этот полет вниз головой.

– Даже если бы такое было возможно! Никуда она не уедет, и Оксане ничего не сможет объяснить, да и не впустит ее обиженная подруга в свою машину.

Тут заметила еще одного человека. Или не человека. Это был Казанова. Он уверенно шагал к своему черному авто, заметив Оксану, кивнул ей, как старой знакомой, но та, зло на него посмотрев, тронулась с места. Казанова остался один, он медленно повернулся к окну, взглянул на Лею и невинно улыбнулся. Помахал рукой, послал воздушный поцелуй, сел в машину и умчался, словно его и не было вовсе. Ей стало противно, и она отвернулась, а в голову пришла мысль:

– То, что должно случиться – произойдет через неделю или месяц – не важно, когда. Но не раньше последнего съемочного дня. А, значит, время еще оставалось. Но то, что произойдет сейчас, когда войдет Артур, было для нее испытанием. «Сделаем пару кадров!» Кастинг. Пробы. А попробовать будут ее. Как десерт после сытного ужина. «Леденец на палочке» – снова вспомнила она. И как ей справиться с этим, было непонятно... Но многие женщины делают это. Сначала противно – потом привыкают. Даже входят во вкус. Им платят хорошие деньги, и они уже готовы бороться за любую возможность получить следующую роль или сняться в модном журнале. А не то же самое делают эти юные охотницы

за богатыми мужиками? Здесь был как раз их район! А не об этом думала всего пару часов назад она сама, когда Батончик таял под ее взглядом? Использовать любой шанс показать свое красивое тело, подороже его продать... Тело... А душа? – вдруг подумала она. – Душа тут не причем. Душа отходит в сторонку, стыдливо прикрывая глаза, а здесь остается лишь тело – это его роль, его тяжелая физическая работа, как в тренажерном зале. Когда-нибудь ты его оставишь здесь, бросишь навсегда. Тогда и подумаешь о душе...

Снова посмотрела в большое окно. Занавеска развевалась на легком ветру. Там, дальше, на улице сновали машины, шли редкие прохожие, летали птицы, гомоня. И так не хотелось смотреть на дверь, откуда скоро должен был появиться он. Она не знала, как ей поступить, но перешагнуть через этот подоконник не могла. Не имела права. Однажды она уже сделала шаг с того моста. Знала только одно – придется терпеть. И делать это достоверно и хорошо... «Все это только игра!» – вспомнила она, мучительно подготавливая себя к предстоящим «пробам».

То, что она увидела в следующее мгновение, заставило ее содрогнуться от ужаса. Она ждала чего угодно, только не этого. Дверь открылась, и перед ней появился Артур, а за ним видна была высокая фигура еще одного человека. Или не человека вовсе. Это был огромный ленивец Ильюшенька, который, преодолев свою лень, зачем-то приехал сюда, и, оче-

видно, тоже от нее чего-то хотел. Чего – она хорошо помнила: «Покончить с собой». И теперь с содроганием на него смотрела:

– А ведь он прав. Стоит сняться в таком фильме, зная финал и погибнуть, это будет равносильно самоубийству! Сколько же их свалилось на ее голову?!!!

Почему-то подумала, что если сейчас ее будут насиловать, истязать – в присутствии этого человека она не выдержит.

– Но почему? Какая разница? Она не понимала себя. Почему так стыдится этого большого ленивца? Он никто! Голграмма! Миф!

Снова зачем-то посмотрела в спасительное окно.

– Нет, бежать нельзя, бежать поздно, если только головой вниз!.. А, может, он того и хочет? «Не так хлопотно!» – мелькнуло в памяти. И вдруг Ильюшенька произнес фразу на французском языке. Она замерла, оторопело глядя на него, а тот продолжал что-то говорить. Не что-то! Она прекрасно его понимала. Многие годы учила этот язык, потом, пока ее не выгнали, работала переводчицей, и теперь слышала эти слова:

– Все нормально, – говорил он, – успокойтесь, все будет хорошо!

Ильюшенька смотрел в глаза Артуру, но говорил эти слова для нее. Точно, для нее!

– Чертов, француз! – воскликнул Артур, – познакомься, это мой партнер. Только что прилетел, а переводчика взять

забыл. Придурок! Придется ждать, пока придет мой человек.

И тоже улыбнулся «французу».

– Бонжур, мадам, – произнес Ильюшенька, потом поправился: – О! Пардон! Бонжур, мадмуазель!.. Месье, Пьер! – представился он и подождал, пока она протянет ему руку. Лея пришла в себя, пожала его огромную лапу и произнесла несколько приветственных слов.

– Ты знаешь этот язык? – удивился Артур. Она кивнула, и он произнес:

– Чудненько! Вот и будешь переводить. Эти чертовы французы так любят себя, что даже не заморачиваются выучить английский. А может, просто придуриваются. Считают себя центром вселенной! Я ему говорю на чистом английском, а он, собака, все понимает, но молчит. И так они все... Это переводить не надо.

И снова любезно улыбнулся Пьеру.

– Он мне писал, что хотел познакомиться с моей новой героиней. А значит с тобой.

Тут Лея подумала, что ей еще рано, стремя голову, прыгать в окно и в ожидании замерла. Дальше разговор носил деловой характер.

Пьер играл роль человека, приехавшего в Москву, чтобы познакомиться с Артуром, купить несколько его фильмов, и теперь они обсуждали детали. Раньше они общались только по электронной почте и только через переводчика. Лея

уже немного пришла в себя и аккуратно переводила. А умела она делать это хорошо. Иногда улыбалась, и эти двое таяли под ее взглядами. Заметив, что Пьер-Ильющенька слишком внимательно на нее смотрит, стала терять нить переговоров. Теперь он зачем-то играл роль человека, который был восхищен ею, уже готов был платить за товар любые деньги. И все продолжал смотреть. Артур, заметив это, удивленно уставился на Лею, соображая. Потом запросил такую цену, что «француз» должен был отказаться, но тот равнодушно согласился:

– Дорогой, месье Артур. По рукам... Только мне нужна переводчица. Вашу девушку я возьму к себе на работу. По рукам?

Лея перевела эти слова, с надеждой посмотрев на Артура. Теперь она не сомневалась – этот Пьер, этот чертов «француз» был на ее стороне. Он пришел за ней!

В глазах Артура промелькнуло удивление и мучительное сожаление. В это мгновение он смотрел то на француза, то на эту странную девушку, которая появилась всего пару часов назад, но расставаться с ней он уже не хотел.

– Неужели он смог бы меня убить? – подумала Лея. – А в глазах этого человека застыло сомнение: – Неужели он сможет это сделать?

Но будущее было перед ней закрыто. Он снова начал мысленно считать деньги, которые были написаны на листе бумаги, лежащей перед ним. Сейчас Артура захлестнули про-

тиворечивые эмоции. Его мысли были перед глазами Леи, окрашиваясь в разные цвета. Целая гамма чувств, переживаний и красок маленьким облачком парила в воздухе над его головой. Сначала это был хорошо знакомый темно-рыжий, кирпичный оттенок, потом он превращался в кроваво-бордовый и снова в рыжий. Лея и Ильюшенька с облегчением переглянулись – тот выбрал деньги. Она робко ему улыбнулась, а облачко стало ослепительно серебряного цвета. (Артур заметил ее улыбку!)

– Нет! – тупо произнес он и замолчал. Ильюшенька с грустью уставился на стопку дисков с шедеврами Артура, отодвинув их в сторону. Но Артур продолжал молчать, глядя на Лею. Это был провал. Она понимала, что теперь ей не поможет никто. Значит придется бежать. Как? Куда? Через строй охранников? В окно?

– Я добавляю к оговоренной сумме еще 100 тысяч... ЕВРО, разумеется, – внезапно произнес ее спаситель. Лея молчала, а эти слова застряли у нее в горле.

– Что он несет?

– Он покупает меня у тебя за 100 тысяч! – спохватилась она, почему-то перейдя на ты. Глаза Артура загорелись, но снова серебряное облачко появилось над его головой. Он восторженно смотрел на Лею, а она на него, скромно потупив глаза. Так эти трое глядели друг на друга, переводя взгляды, потом Ильюшенька сдался:

– Хорошо, 150!

Она снова перевела, затаив дыхание. И вдруг Артур разумно и трезво произнес:

– Извини, дорогой. Но ты даже не видел ее топлесс. Как ты можешь говорить о деньгах?

Лея покраснела и перевела. Ильюшенька тоже покраснел и смутился. Он явно не знал, что сказать! А Артур, заметив его смущение, но поняв по-своему, продолжил:

– Ты не видел ее фигуры, ее ног. Она в длинном платье! Ты даже не можешь себе представить, что она вытворяет перед камерой! Какая она в постели!.. Переводи! Какого черта ты молчишь? – крикнул он. Лея покраснела, переведя эти дикие слова, и замерла, а Ильюшенька почему-то продолжал молчать.

– А ну-ка, детка, быстреньконими с себя все это, – и дернул ее за край одежды. Лея поневоле отшатнулась, а большой ленивец продолжал, краснея, молчать.

– Давай, давай, скидывай платье и лифчик. Остальное пока оставь. На сладкое! – все больше заводился Артурчик. Он подбежал к прожектору, включил его и направил на кровать. Потом схватил Лею за руку, протаскил ее через всю комнату и бросил на покрывало. Он все больше входил во вкус. Все произошло мгновенно, и Лея не успела отреагировать. А в Артуре просыпался великий дар режиссера. Правда, облачко над ним теперь было устойчиво-коричневого цвета – сейчас он делал деньги.

– Давай же! – шепнул он ей, – я тебе отстегну за фото-сес-

сию. – Не беспокойся, детка... А в кино сниму потом. Обязательно сниму. Не волнуйся!

– А хочешь, прямо сейчас на той постели...? – вдруг воскликнул он, глядя на Ильюшеньку. – Я парня позову, покажем ее в работе?... Переводи же!.. И раздевайся!.. Ну давай же!.. Хочешь двух парней позову. Как ты предпочитаешь? – продолжал фантазировать он, а глаза его горели. Потом подошел вплотную к девушке и протянул руки, чтобы ее раздеть. И тут Ильюшенька внезапно произнес:

– Я шлюх за такие деньги не покупаю!

Артур замер и посмотрел на Лею:

– Что он сказал?

Она перевела. А Ильюшенька снова повторил, уже глядя куда-то наверх, в потолок:

– Я шлюх не покупаю!.. Меня вообще не интересуют женщины, – изрек он, чем совершенно озадачил Лею. Артур задумался, замер, потом сообразил:

– А я и не продаю шлюху, за кого ты меня принимаешь? У меня не бордель, а уважаемая киностудия! Я продаю готовую, классную модельку. Актрису. Отличную актрису для эротического кино! Для любого кино! Ты ведь это имел ввиду?...

Лея снова перевела. А Ильюшенька все продолжал молчать. И тут в голове у Леи промелькнуло:

– Если бы он хотел помочь – давно бы уже сделал это. Но он молчит. Он почему-то молчит... А может, все это чудо-

вищный розыгрыш. И этот Ильюшенька на стороне и Артура, и Казановы, и прочих из той комнаты. Да и могло ли быть иначе? – и в ужасе посмотрела в окно. А Артур тем временем, приняв какое-то решение, произнес:

– Так, давай тебя покажем в деле! – приоткрыв дверь, крикнул, чтобы ему кого-то позвали.

– Сейчас сюда придет один парень. Отличный актер! Кстати, закончил театральный, потом работал в стрип-клубе! Он тебе, малышка, понравится. Раздевайся. Впрочем, не надо, он все сделает сам.

Наконец после долгой паузы Ильюшенька заговорил. Говорил он громко, на французском языке, четко выговаривая слова. Делал это так, словно его должны были услышать где-то еще:

– Мне не нужны ваши актрисы, дорогой Артур... Переводите! – кивнул он ей, – и порно-модели не нужны... А эта девушка совсем на них не похожа!

Лея медленно, слово за словом переводила.

– И женщины меня не интересуют, месье Артур. Просто эта девушка...

Он замолчал, ожидая ее перевода.

– Мне...

Перевела и это.

– напоминает...

Все замерли, уставившись на Ильюшеньку. Тот долго молчал, мучительно соображая. Молчали и эти двое, с удивле-

нием на него взирая – Артур с недоумением, а Лея с надеждой и одновременно с ужасом. Сейчас решалась ее судьба. И вдруг тот закончил:

– ... маму!

– Маму? – не понял Артур. Все в изумлении застыли.

– Это не ваше дело, – взорвался Ильюшенька, – я должен забрать эту девушку. Вы не можете, не имеете права надругаться над ней. Я вызову вас на дуэль, мерзавец...

– Переводи же! – в нетерпении воскликнул Артурчик, не понимая. И тут Лея, сообразив, что дело принимает дурной оборот, спокойно «перевела»:

– Он передумал! Он не даст за меня ни цента, но купит твои фильмы по оговоренной цене – это хорошие деньги, подумай. Очень хорошие! А я пойду с ним. И это его последнее слово. Если не устраивает – до свидания! – спокойно произнесла она, невинно посмотрев на Ильюшеньку, чем сразила его наповал. Потом эти двое заметили, как Артур моментально сдался, прочитав еще раз на бумаге сумму за его шедевры. Цвета над его головой упокоились, приняв отчетливый коричневый тон – победили деньги. Тем более, что эта странная девушка ему больше не улыбалась.

– Ах, как она делала это совсем недавно! – на мгновение вспомнил он. Но в глазах его отражались только деньги, эти пестрые купюры. И еще сожаление. Но пересилить себя он не мог.

– ОК! Чертов француз! – воскликнул тот, посмотрел на

нее и тихо добавил:

– Когда надоешь ему, приходи ко мне. Буду тебя ждать. Поняла?... Ты меня поняла???

Тут Лея неожиданно для себя сделала рискованную вещь. Сейчас в ней проснулся какой-то бесенок, и совладать с ним она не хотела и не могла. А потому, войдя во вкус и не выдержав такого цинизма, решила отомстить. Она ослепительно улыбнулась. Сделала это с удовольствием, самозабвенно глядя на него. Сейчас в ее глазах отражалась и любовь недоступной женщины, и весна за окном, и яркое солнце над головой. Вся сила, дарованная ей на том мосту... А может, и не на мосту. Дарованная ей вместе с этой жизнью, удивительной природой, Богом и красотой, впитанной из крови и плоти хрупкой и слабой, но такой удивительной женщины, какой она почувствовала себя недавно. И теперь другой быть не хотела. Просто, не было пока рядом того дикаря, которому она подарила бы себя, и поэтому ее улыбка доставалась кому-то еще, освещая темные уголки. Молния блеснула в ее глазах. Это был последний удар. Удар был страшный. Удар был ниже пояса, и Артур даже прогнулся от чувства бессилия. Он уже готов был передумать! Он готов был сам заплатить за нее значительно больше! Но, было поздно. В такой позе истукана его и оставили в этой комнате-павильоне. Ильюшенька на прощанье дрожащими руками вынул из кармана пачки денег, бросив их на стол, забрал диски с фильмами, и они вышли наружу.

– Счастливо оставаться, дай вам Бог здоровья! – пробормотал он напоследок на чистом русском языке. Артур на него тупо уставился, но ничего не ответил. Он так и не понял, что этот «француз» прекрасно знает русский язык! Сейчас он не понимал ничего. Только пробормотал:

– Да, ... да, ... счастливо, ... пока...

Потом они уносились на такси из этого проклятого места. Дорога становилась шире, людей по сторонам все больше, воздух чище, хотя приближались они к самому центру города. Наконец, Ильюшенька расплатился с водителем, и они вышли на улицу, вздохнув полной грудью. Кошмар был позади.

9

– Простите меня! – горячо воскликнул Ильюшенька. – С моей стороны было бестактным предлагать за вас деньги. С этими людьми можно разговаривать только на их языке!

– Ничего, – ответила она, – только я не привыкла, чтобы за меня платили, тем более столько!

Он внимательно на нее посмотрел и произнес:

– Вы стоите намного дороже, только нет эквивалента этой цене.

Они снова замолчали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.